

18+

Марина Чекмак

Кролик в лабиринте

Марина Валериевна Чекмак

Кролик в лабиринте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42601150

SelfPub; 2019

Аннотация

Успешный молодой человек, директор компьютерной компании, узнает от своего друга-программиста о его уникальном открытии – возможности с помощью математических вычислений управлять временем. Главный герой проводит эксперимент и оказывается в эпохе Павла Первого. Он узнает, что история, какой мы ее знаем, не соответствует действительности. Давид принимает решение предотвратить убийство императора Павла, считая его носителем позитивных идей в истории России. Научный эксперимент превращается в запутанный детектив и в том времени, и в настоящем. Все, что удастся изменить во времена Павла Петровича, отражается на жизни Давида и его близких.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	37
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	78
Глава 9	81
Глава 10	100
Глава 11	105
Глава 12	121
Глава 13	125
Глава 14	142
Глава 15	146
Глава 16	151
Глава 17	158
Глава 18	163
Глава 19	173
Глава 20	180

Глава 1

Над крышами машин стоял сплошной смог. Лучи утреннего осеннего солнца, пробиваясь через мутную пелену, щекотали лобовые стекла и лица людей, застрявших в железном плену. Четыре ряда авто за тридцать минут не сдвинулись ни на сантиметр. Справа и слева в розовом свете плавилась эпичные сталинки, отбрасывая густые синие тени. На радио «Вести» снова обсуждали Украину. Давид нервно барабанил пальцами по рулю. Совещание с инвесторами было на грани провала – они не понимают опозданий. Раздалась навязчивая мелодия телефона. Давид давно хотел поменять рингтон, но вспоминал об этом только тогда, когда снова его слышал. Это была Маша.

– Привет, Солнышко! Ты помнишь про вечер? Ты сегодня со мной?

– Привет! Ты про что?

– Как? Ты забыл? Ты заморочился в конторе! Вечером мы идем на крутое мероприятие. Очень светское. Как говорится, будут все. Я тебя вчера предупреждала!

– Честно, забыл. Ты снова хочешь поиграть в светскую львицу?

– Что-то в этом духе. Надо пользоваться возможностями. Сомневаюсь, что через двадцать лет меня туда пригласят. А может и сама не захочу. Ну, пожалуйста! Мне некомфортно

идти одной! Оки?

– Ок. Убедила. Я тебя заберу в семь.

В этот момент стройные ряды разноцветных железных коробок вместе с живым содержимым сдвинулись, Давид нажал на газ.

Совещание прошло относительно удачно. Инвесторы были в благодушном настроении, и Давид выдохнул все напряжение последних дней. Ситуация на рынке ухудшалась, а конкуренция росла. Было трудно оптимизировать затраты, особенно на зарплатный фонд. Программисты – народ избалованный и уверенный в себе.

В кабинет без стука вошел Виктор. Сутулый и растрепанный, как всегда.

– Привет, старик!

Он, единственный в конторе, считал, что на правах старого друга может обращаться к шефу на «ты». В последнее время Давида это стало тяготить, потому что возникал элемент неформальности в формализованной офисной жизни. Давид считал нужным чтить неписанные правила и очень серьезно относился к своей карьере и личному благополучию.

– Привет. А постучать?

– Сори. Никак не могу привыкнуть к твоему статусу. Обещаю исправиться. Дело важнее формальностей.

– Как сказать... Кажется, ты совсем не по делу...

– Помнишь, я тебе недавно говорил об одной штуке, с которой я разбираюсь по вечерам. Так сказать, в свободное от

основной работы время... Ты же знаешь, что физика и математика, или математическая физика – это моя слабость и хобби. Может, надо было идти в науку? Проблемы мироздания никак не дают покоя...

– Да, что-то такое помню. Ну, я больше прикладник.

– Не обижайся, но ты скорее администратор. Я думаю, ты на своем месте. Мало кто выдержит такую тяжесть – регулярно общаться с денежными мешками и не сойти с ума. От зависти. Ну, ладно. Короче. Кажется, у меня что-то получилось. Но еще остались серьезные вопросы. Я хочу с тобой это обсудить. Конечно, это хобби и к делам конторы не имеет отношения. Но все же. Я могу только с тобой этим поделиться.

– А рассказ надолго?

– Не знаю. На вечер с пивом.

– Нет, не сегодня. Я обещал Маше пойти с ней на тусе.

– Тусе и Маша – это святое. Так может, завтра вечером?

– Посмотрим. И стучись, пожалуйста.

Давид и Маша поднимались по красной дорожке в свете софитов и видеокамер. Давид подумал, что, наверное, некоторые люди жить не могут без этого света. А многие все бы отдали, чтобы пройти по этой лестнице. Смешно. «Дааа... Ничто человеческое и мне не чуждо.» В гардеробе Маша скинула модное пальтишко и оказалась в облегающем платье с обнаженными руками. Давид невольно обвел ее взглядом. В отличие от других мужчин, он придавал большое значение женским рукам. У Маши они были красивые, тонкие. А пле-

чи худенькие, немного угловатые как у подростка. Пышные вьющиеся волосы. В общем, она соответствовала его представлениям о красоте. В огромном помещении было невероятно много людей. В толпе сновали официанты с подносами, на которых стояли бокалы с шампанским. Было много красивых и очень хорошо одетых женщин. Люди собирались в небольшие группы, обменивались приветствиями и беседовали о чем-то, видимо, умном. Группы распадались и снова собирались уже в другом составе. Царило веселое оживление. Вдали торчал высокий Ургант. Рядом с ним копошились люди поменьше. Кажется, один из них был Цикало. В ожидании основного события – вручения каких-то странных гламурных премий – все толпились возле столов с закусками и алкоголем.

– Маша, а все эти люди голодают, что ли? Туда же не протолкнуться.

– Это такой феномен. Большинство из них, возможно, даже уже успели поужинать. Но ведь на шару и уксус сладкий. К тому же здесь сегодня обещали устрицы и черную икру. Кстати, я ее обожаю! Интересно, где наш фотограф? Я его не видела! Надо завтра найти наши фотки и поставить их в фотоотчет! И на ФБ с Инстаграм!

Периодически к Маше подходили разные люди с одинаковыми искусственными улыбками и одинаковыми вопросами или ответами: «Как дела, дорогая?» «Как у тебя?» «Все супер» «Просто шикарно!» и все в том же духе. Женщины

скользящим взглядом осматривали Давида, мысленно ставили ему оценку и, видимо, расстраивались. Маша одела на лицо такую же обалденно счастливую улыбку и превратилась в незнакомку. Музыка просто ревела и перекрикивать ее не имело смысла. Давид начал скучать.

– А, все-таки, все эти мероприятия довольно однообразные.

– Ну, да, дорогой. Но каждый уважающий себя человек из глянцевої жизни должен здесь быть. Это как бы обязательно, чтобы оставаться в обойме. А если тебя здесь нет, значит, ты просто не существуешь. Тебя перестанут узнавать, уважать и ты потеряешь свой статус.

– Смешно. Здесь очень громко. Я не могу так говорить.

К Маше подошла какая-то женщина с короткой стрижкой, лет сорока, сверкая неприлично белыми зубами. За ней стояла еще одна дама, тоже стриженная, одетая как мальчик, в комбинезоне с большими карманами.

– Привет, Анечка, дорогая! Как дела? Ты сейчас проводишь свои тренинги?

Анечка чмокнула Машу в щеку. Глаза у нее были несколько истериоидные. Спутница просто поздоровалась и держалась сдержанно.

– Конечно! Знаешь, очень выросла аудитория. Это уже нормальный бизнес. Много ездю по провинции. Там тоже люди нуждаются в информации. Особенно женщины. Они более активны.

– А как тебе это удается? Ты же практически одна...

– Дорогая, конечно, все через ФБ. Зайди ко мне. Там все есть. У меня уже 20000 подписчиков! Так что все норм. Илонка помогает.

Аня посмотрела на спутницу. Илона крутила головой.

– А где здесь курят? Я сейчас сойду с ума. Нужен никотиновый допинг. Секс и сигареты – это мои наркотики.

Она, наконец, улыбнулась. Маша показала на стеклянную дверь в конце зала.

– Курят там. Но я с вами не пойду. Обещают устрицы. Боюсь пропустить!

Парочка скрылась в толпе.

– Что это за стремные девушки бальзаковского возраста?

– Оооо.... Это смешно. Анечка – типа бывшая телеведущая. Еще, кажется, радиоведущая. Тоже бывшая. Ее уже выгнали отовсюду. А теперь она – психолог. Ты знаешь, что сейчас это самая модная профессия среди неудачниц и бывших маникюрщиц? Вообще-то, у нее был муж. Очень конъюнктурный журналист. Типа оппозиционер. За ним кто-то стоит. Какой-то большой мешок с деньгами. Ему, так сказать, везет на инвесторов. Он никогда не работал в системных изданиях. Постоянно где-то добывает инвестиции и мутит какие-то мутные проекты. Но деньги осваивает нехилые. Недавно домик себе купил. Я так и не поняла, почему отдельные люди с деньгами считают его талантом. С такими инвестициями и кролик может запустить проект. Но миллионеры, как пра-

вило, люди ограниченные. Если один несет какой-нибудь чемодан, то все остальные начинают думать, что в нем лежит что-то ценное. Главное, найти для себя первого покупателя. Но женщин миллионеры всерьез не воспринимают, сам понимаешь. Так что мне инвестиции не грозят. Я всегда буду только женщиной. Сначала молодой. А потом просто старой.

– Что-то мне не нравится ход твоих мыслей... Ты – журналист, и не веришь в честную журналистику? И требуешь равноправия?

– Какая честность? Мы живем в глобальном мире. Среди олигархов и аллигаторов. Одно и то же. Времена честных журналистов-одиночек закончились вместе с Марком Твенном. Все превратились в винтики. А винтики должны быть одинаковыми и из хорошего металла. Все выполняют определенные функции. Правда, муж Анечки умеет разводить идиотов. Он – толстый и страшноватый мужик, и много пьет. Наверное, его живот и некрасивое лицо вызывают доверие у людей с ограниченным интеллектом. А я работаю в сетевом издании с жестким регламентом. У нас талант – дело относительное. Главное – правила соблюдать. И хорошо выглядеть. Смотрел «Дьявол носит Прадо?» Кстати, Анечка – как раз борец за равноправие. В том смысле, что Илона – это ее любимый друг. Можно сказать, что Аня ушла от мужа к Илоне... Нет, мне эта тема не близка... Я Аню знаю давно. Мне кажется, она совсем съехала с катушек. У нее несчастные глаза, как бы она ни притворялась. Вот такой себе психо-

лог. Аня сейчас проводит авторские тренинги на тему: «Как выйти замуж за миллионера» Правда, абсурд? Ее бывший муж, в принципе, просто ворюга на доверии, а нынешний – Илона-фотограф. Вот так! А представляешь, что будет, если Илончик ее бросит?

– Это страшно представить. Я не знал, что лесбийская любовь бывает на самом деле. Я думал, только в порно.

– Как? А Рената с Земфирой?

– Сори, совсем забыл! Интересно, они не ощущают недостатка чего-нибудь? Может, они иногда приглашают третьего? Какого-нибудь модельера, например? Или двух модельеров?

Маша засмеялась. И здесь Давид увидел невысокого мужчину, за пятьдесят, в бабочке, с небольшой сединой на висках, который разведя руки в радушном приветствии, направлялся к ним. Он смотрел на Машу и широко улыбался, обнажая крупные лошадиные зубы. Его сопровождала миловидная молодая женщина. Мужчина обнял Машу и поцеловал ее в щеку.

– Давид, познакомься! Это Игорь Стрельников. Мой приятель и крупный специалист в ПР, – Давид протянул руку для рукопожатия:

– Давид Уваров.

– Игорь, это мой друг. Директор крупной айти-компании!

Спутница Стрельникова с кокетливой улыбкой представилась:

– Ольга. Тоже занимаюсь пиаром. Сейчас пиаром нашей сборной по хоккею.

– Как интересно! – воскликнула Маша. – Мы могли бы найти точки соприкосновения! Давайте поменяемся визитками! Можем встретиться на следующей неделе. Возможно наше издательство будет вам полезно!

Стрельникова явно заинтересовал Давид. Он легко прикоснулся к его плечу.

– Мы через месяц проводим крупную инвестиционную конференцию под эгидой Мирового банка. Все самые серьезные компании, не только российские, принимают участие. Вы занимаетесь айти? С удовольствием приглашаю вас на нее. Как в качестве участника, так и в качестве гостя. Кстати, я являюсь секретарем одного закрытого мужского клуба. Полезные связи, серьезные люди... Ну, вы понимаете.... Возможно, вам это тоже будет интересно...

– Не знаю. Никогда не участвовал в тайных организациях, – холодно ответил Давид.

– Ну что вы! Никаких тайн! Просто клуб для серьезных деловых людей. И никаких женщин. Это же мужской клуб. Ну, вы понимаете? Тоже есть повод для продолжения знакомства! Может быть, мы также обменяемся контактами?

Минут пять компания обсуждала ничего незначащие вещи, известных людей и политические новости, в основном, зарубежные. Было ясно, что новый знакомый очень хочет понравиться Давиду. Когда Стрельников со спутницей, нако-

нец, отправились к другим гостям, Давид спросил Машу:

– А это что за добрый Буратино?

– Сомневаюсь, что он добрый! Он просто проходимец. Так сказать, разводящий. Тоже умеет присосаться к кому надо. Несмотря на свой преклонный возраст. Женат. Но бывает везде с молодыми девками. Наверное, бежит от старости... Я даже толком не помню, откуда он всплыл: то ли с Украины, то ли из Узбекистана... У него есть какие-то связи в наших кругах. Сам понимаешь, без этого в тусовку не просочишься! Теперь пристаёт ко всем со своим мужским клубом и еще с разными бесполезными конференциями. Наверняка хочет развести тебя на бабки... Не ведись!

– Ты что, Машуня! Разве я похож на лоха? А подпольные клубы мне точно не нужны вместе с сомнительными связями. У меня слишком много работы и мало времени.

Вдруг раздались аплодисменты. Давид не понял, что это значит. Он посмотрел в направлении входа и увидел известного телеведущего, который зашел в зал с небольшой свитой. Он приложил руку к груди и раскланивался во все стороны. Благодарил за аплодисменты. Но взгляды публики скользили мимо него, к дверям. Наконец, он понял, что происходит что-то не то. За его спиной шла вереница официантов, которые несли над головами блюда с долгожданными устрицами. Толпа хлопала им.

Давид нахмурился:

– Мне его жаль.

– Чего его жалеть? Старый клоун. Он думает, что и здесь кому-то интересен. Доди, ты его помнишь? Допрыгался! Теперь в ссылке на Украине. Разводит мелких украинских олигархов. И ведутся же на старый секондхенд! Там парочка таких клоунов сейчас работает. Еще Гананольский. Смешно, но кто-то их содержит там... А мне его не жаль. Он коллекционирует вина. Значит, с голода не умирает. И вообще я считаю его абсолютно бездарным. Наши пропагандосы как-то повеселее...

– Что-то я не вижу Ксюшу.

– Да что ты! Теперь это не ее формат. Она ушла в политику. И пока не вернулась. Ксюша теперь – достояние республики. Или федерации...

– Мне кажется, что сегодня намного больше красивых женщин, чем обычно. В смысле, девушек.

– Хм, не думаю! Ты хочешь, чтобы я ревновала? Это с Украины понаехала деревенщина. Все, кого не пустили в Майями, ломанулись в Москву. А вон видишь толстую старуху в черном платье? Это их маман, так сказать. Типа издательница гламурного журнала, который издается тиражом в сто штук. Такой себе каталог с проститутками. Главное, чтобы тиража хватало на всех потенциальных клиентов. Эта бабушка еще умудряется со своих девочек и деньги брать за то, что печатает в своем каталоге их фотки. Представляешь? С олигархов деньги за проститутки, а с проститутки – за фотки! Украинский десант сильно снизил цены. Так что теперь

любой извращенец может найти себе товар по хорошей цене...

Давид увидел слева от себя небольшую группу молодых симпатичных девушек, среди которых выделялась высокая яркая блондинка с роскошной фигурой в облегающем платье, странного цвета, почти сливавшимся с цветом кожи. расшитым блестящими камушками, Она болтала с подружками и весело смеялась.

– Маша, сори! А кто эта роскошная блондинка?

– Рекомендую. Зная тебя, боюсь, ты будешь сильно удивлен и разочарован при ближайшем знакомстве! Это знаменитая в широких или узких кругах травести-дива Монро. Просто Монро... Красотка, правда? Точно не знаю, но думаю, что она или, простите, он, даже не отрезал себе пенис. Так интереснее, правда?

– Ты злая.

– Нет, я честная. И выпила шампанское!

– Да.... Как много вокруг нас необычных существ... Просто можно подумать, что мы на какой-нибудь межгалактической вечеринке в стиле Звездных войн...

Ночью без пробок ехать по Москве комфортно. На заднем сиденье такси целоваться романтично и немного инфантильно, как в кино в последнем ряду. Маша и Давид добрались к его дому буквально за полчаса. Когда они вышли из машины, Маша потянулась и расстегнула пальто.

– Как здорово! Как тепло! Может быть, это последний теп-

лый вечер в этом году. А, может быть, в жизни? Давай посидим на лавочке? Я хочу курить!

– Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда от тебя пахнет табаком.

– Ну и что? Я что-нибудь выпью у тебя. И приму душ. Посмотри, листья на деревьях не шевелятся. Я не помню такой погоды! Как будто все замерло. Как будто мы здесь вне времени. И тихо-тихо. Даже не верится, что это Москва. А может мы оказались в другом пространстве или в другом измерении? А может, это сон? Я никогда не могла понять, почему наш мозг воспринимает все происходящее во сне, самое невероятное, так же естественно, как и реальность. Как будто так и надо. В снах, в отличие от обычной жизни, полностью отсутствует причинно-следственная связь. Все хаотично, внезапно, но ты не удивляешься... Не помню, кто сказал: мы сотканы из того же, что и наши сновидения... Ты никогда об этом не думал?

– Честно говоря, нет. Обычно я думаю о чем-то другом. К тому же я редко помню сны. Романтичная ты девушка, Маша. Кстати, ты занялась уже живописью? Ты же хотела...

– Ой, это больная тема. Чтобы заниматься искусством, надо иметь много времени и, главное, свободную голову. Потому что это очень серьезно. Нельзя прибежать с работы и немножко порисовать. Это поглощает полностью. Художник, как известно, тот, кто не может не рисовать. А я, наверное, могу. К сожалению, живопись сейчас – не актуальный

вид деятельности. Она умерла тогда, когда появился Черный квадрат. Кстати, Малевич, я думаю, был не художником, а скорее по духу – разрушителем. Супрематизм... Разложение на составные части всего сущего. И он не был первым в открытии темной стороны бытия. Еще в начале семнадцатого века один английский мистик изобразил такую же геометрическую фигуру и назвал эту картину «Великая тьма». Это все глобальная идеология. Кому теперь нужна живопись, когда мы все погрузились в черный квадрат? Затянувшаяся эпоха пост-модернизма: имитация и анти-искусство... Теперь художнику вообще не нужно уметь рисовать, главное – ПР! Нет, в совке, конечно, живопись была... Социальный заказ... Кое-что и в Америке сейчас есть... Но не у нас! Уже нет ни социального заказа, ни спроса. По крайней мере, деньги и славу на этом не заработаешь...

– Тебе повезло с внешностью. Красоте многое прощается. Даже ум.

Давид присел возле Маши на скамейку. Она открыла сумочку, чтобы найти сигареты.

– Смотри, какая-то старая машина заезжает во двор. Это твои соседи?

Давид посмотрел на въезд и увидел длинную белую американскую тачку, совсем архаичного вида. Но в темноте он не мог разобрать марку. Машина медленно припарковалась. Из нее легко вышел странненький человек и решительно, и как-то весело, направился к ним. Среднего, скорее неболь-

шого, роста, коренастый, одетый в светлые брюки и что-то светлое вверху. Даже в тусклом свете фонарей было видно, что у него светлые длинные волосы, затянутые в тугой хвост, который опускался прямо до пояса. Давид как-то неожиданно почувствовал свое сердце. Он не понял, что это было. Человек подошел к ним и, глядя Маше прямо в глаза, произнес:

– Добрый вечер! Извините! А можно ченч?

– Что-что?

Не поняла Маша.

– Можно попросить у вас сигарету?

Весело спросил человечек и достал из-за спины руку с яблоком и протянул его Маше.

– Ну, если вы курите женские...

Человечек продолжал смотреть на Машу и улыбаться.

Маша сунула руку в сумочку, достала оттуда пачку тонких «ВОГ» и протянула ее незнакомцу. Яблоко она взяла.

– Спасибо!

Человечек еще раз улыбнулся и, не закуривая, вместе с сигаретой направился к своей машине. Через минуту его и след простыл. Маша посмотрела на Давида и ошарашенно спросила:

– Доди, что это было? Он же не закурил! Он что приехал в этот двор ночью за сигаретой и знал, что мы здесь сидим, и у меня в сумке есть сигареты? Я же не курила еще!!!

Давид как будто очнулся от короткого сна.

– Да просто мужик искал сигарету. Здесь далеко круглосу-

точный магазин. Ты же знаешь, что курильщики – это практически наркоманы... Не придумывай тайны... Пошли наверх!

В квартире Маша сразу тщательно помыла яблоко и со смехом предложила его съесть пополам.

– Давай представим, что мы – Адам и Ева. Значит, я должна накормить тебя яблоком...

– А последствия будут такими же?...

Сказано – сделано. Они были вместе уже почти полгода. И это сейчас вполне устраивало Давида. Маша практически не напрягала. Вовремя приходила и вовремя уходила. Не терзала вопросами про бывших. И не строила планы на светлое будущее. Давиду нравилось с ней спать. Он даже считал ее неглупой. В общем, вписывалась в алгоритм его жизни.

Глава 2

На следующий день Давид проспал спортклуб и выехал на работу с легким чувством досады. Он очень любил систему и строго соблюдал расписание. Но Маша стоила того. Ладно!

Под вечер в дверь постучали и в кабинет вошел Виктор. На его лице сияла загадочная улыбка.

– Видишь, старик, я исправляюсь! Уже стучу.

– Молодец! Меняться к лучшему никогда не поздно.

– Так что, бросаем здесь машины и в «Линдерхоф»? По пиву?

– Нет. Два вечера подряд в толпе я не выдержу. «Линдерхоф» отпадает. Если хочешь, поехали ко мне. А потом доберайся домой сам.

– Ок. У тебя даже комфортнее для серьезного разговора. Тогда вискарь с тебя!

Зайдя в квартиру, Давид почувствовал облегчение. Все на своих местах. Помыл руки в ванной и внимательно посмотрел на свое отражение в зеркале. В кухне достал бутылку виски, два стакана, мясо и сыр. Поставил все это на барную стойку. Виктор уже расположился на высоком стуле и сам себе налил треть стакана.

– Ну, что, за тебя, старик! Кажется, ты – мой лучший друг. Хотя мы с тобой разные. Ты – не романтик.

– Это правда. Но ты же не можешь требовать, чтобы все

были такими, как ты?

– Да, жизнь построена на разнообразии. Все – разные. Для тебя главное – успех. Кстати, у тебя здесь лофт или хайтек?

– Я не задавался этим вопросом. Главное, чтобы мне нравилось.

– А твоя гламурная Маша одобряет интерьер?

– Кажется, да. Современно. Ничего лишнего. Хотя она бы поставила здесь какие-нибудь цветочки... Но пока, к счастью, воздерживается.

– Как ты относишься к истории?

– К какой именно?

– Вообще, к историческим событиям? К движению времени? Почему оно идет туда, куда идет?

– О проблеме времени думают тысячи лет. Кто угодно. И ученые тоже. Но я – не ученый и даже не философ. Я просто хороший программист. Мы сейчас будем говорить о теории, что весь мир – компьютерная симуляция и других ништяках? Напомню: чтобы смоделировать Вселенную по закону Мура о необходимой вычислительной мощности надо еще подождать лет 300. Ну, конечно, мы пока не обладаем квантовым устройством. Я говорю только о линейных машинах. Так что меня это интересовать не может. Я живу здесь и сейчас.

– Тебе это кажется, старик.

– Витя, это просто буддизм какой-то. Типа, «... истина в том, что на самом деле вас не существует...» Мне все рав-

но, что на самом деле... Даже если я – цифровая симуляция самого себя. Пока я в этой, так сказать, иллюзии, в этой парадигме, то живу по местным правилам. Когда мне объявят другие правила, я постараюсь им соответствовать.

– Да, да, конечно! Но то, что я нашел, можно сказать, обнаружил, все меняет. Это и есть новые правила!

– Вечер перестает быть томным...

– Ден, книга мироздания написана математическим языком. Ты в курсе, что законы физики в математических уравнениях симметричны относительно времени? На сегодняшний день физики ищут закон, который не допускает путешествия во времени и, как ни странно, не находят. Можешь послушать того же Мичио Каку. Все-таки, популяризатор. Уравнения, которые управляют реальностью, не берут в рассмотрение, в какую сторону идет время. Решения, которые описывают поведение любой системы и известные нам законы физики, будут одинаковыми для времени, идущего назад, и для времени, идущего вперед. Представил?

– Я не видел этих уравнений. Да и мой математический уровень, наверное, не соответствует пониманию...

– Но это известно было и до меня. Главное – в другом.

Виктор сам себе подлил виски. Его глаза округлились, и он начал нервничать.

– Старик, можно я закурю?

– Как мне надоело бороться с табакокурением! Здесь будет вонять!

– Ну, ладно, я выйду на балкон...

– Кури здесь. Это плата за возможность услышать тайну мироздания....

– Постараюсь быть кратким и излагать в доступной для программистов форме... Примерно так... Необратимость времени связана с трактовкой момента времени как полного набора координатных положений всех частиц, представляющих систему. В модельном варианте допустимо представить мир как ограниченное количество элементов. И возможно введение понятия внутреннего времени системы, если рассматривать всю сумму элементов только этой системы. Такое введение различных времен позволяет строить их иерархию, «вложенность» одно в другое... Ты понимаешь что-нибудь?

– Стараюсь следить за твоей мыслью...

Давид тоже долил себе виски. Пока он мало что понимал, и, главное, не вдохновился.

– В такой системе могут обсуждаться возможные обобщения, связанные с понятием «возвратов во времени». Это делает возможным создание и «машины времени». При этом внутреннее время системы, именно с небольшим числом частиц, может быть фактически обратимым. Я долго в этом копался. Миллионы уравнений. Всякие математические ништяки, которые тебе не интересны... И, кажется, нашел. Сейчас пока это применимо только к сознанию. Не к телу. И не к предметам. То есть, не к физическим оболочкам. Я сделал соответствующий сканер. И даже испытал. На

себе, разумеется... Ощущение страшное. При том, что осознаешь, что это не сон...

Здесь Давид перестал скучать и включился в разговор. Он пристально посмотрел на Виктора. И подумал про виски. Но в бутылке было еще много содержимого, то есть, говорить о бессознательном состоянии алкогольного опьянения было рано...

– Что ты испытал? Что значит, «на себе?»

– Я понял систему, как собрано время с пространством. Один момент вкладывается в следующий. То есть, время, это не непрерывная река, это цепочка точек, фрагментов. Как кадры на киноплёнке. И все они имеют цифровой эквивалент. Вселенная построена на физике, которая является специальным подмножеством математических решений. Можно записать цифрами, например, твое сознание и поместить его в другое временное физическое хранилище, которое, конечно, тоже описывается цифрами. Я сам написал алгоритм. И он позволяет твоему сознанию, но пока только сознанию, оказаться в любой точке пространства-времени. Тело сейчас перенести не получается. Ну, тело – это практически пустота, если рассматривать его в категориях элементарных частиц, контейнер для нашего «Я». Но массу все-таки имеет. Понятно, надо сканировать мозг. Я уже собрал прибор. И попробовал, как говорю, на себе. Представляешь, как это интересно? А какие перспективы? Это ж можно в 1975 году подойти к Брежневу и сказать ему, чтобы он срочно аресто-

вал Андропова и Горбачева. Просто показать ему фотки, к чему они приведут. Ой, забыл! Фотки перетащить с собой нельзя! Надо как-то на пальцах объяснять. Когда там Афганская война началась? Можно ее остановить. Главное, как-то подобраться к кому-нибудь из них. И вообще можно Гитлера убить еще в 29-м или сразу после рождения. И все будет нормально! Вообще можно все изменить! Правда, есть некоторые проблемы с размещением... Важно попасть в нужное тело. Приходится выбирать конкретных людей... Ты понимаешь, можно попасть в любое заданное чужое тело в любой точке времени и пространства? Хочешь, например, побыть немножко Сталиным? Нет, Сталиным, пожалуй, не надо! А то еще напортачишь что-нибудь в войне или в строительстве Днепрогэса. Будет потом еще хуже, чем есть сейчас, альтернативная история. Кстати, а что тебе в истории нравится?

– Мне? Так сразу не скажу... Я не испытываю пиетета к авторитетам, например, к Кеннеди. А Жаклин считаю просто некрасивой женщиной... Ну, фигура у нее была ничего. Все равно историю делают не те люди, которых мы знаем. Не президенты, и не премьеры... Реальная политика – это тайная политика.

– А из нашей...

– Из нашей истории? Я не люблю, например, Петра и Екатерину. Оба – странные. Один откровенный параноик и садист. Кстати, не факт, что это тот Петр, который сын Алексея Михайловича. Мутная история с его путешествием в Евро-

пу... Может, там англичане подсуетились с подменой молодого царя... Собственного сына замочил... Никакая государственная целесообразность этого не может оправдать. Тем более, царевич, как я понимаю, ничем ему не угрожал. Потом женился на женщине с низкой социальной ответственностью, как сейчас принято это называть. Еще и алкоголичке. Ну, не знаю, чем он хорош... Окно в Европу... Мне это что-то напоминает, но уже из новейшей истории... Кстати, население России при нем массово сокращалось, как во время «перестройки»... Так что – не мой герой. Не понимаю, почему у нас принято его хвалить... Екатерина – тоже та штука. Грохнула мужа. Захватила трон. Терпеть не могла собственного сына. Зато обожала разнообразных мужиков. Переписывалась с Вольтером. А я недолюбливаю так называемых просветителей... Создали первое в истории человечества орудие массового поражения мозгов – свою энциклопедию... Мне не нравится их агрессивный антропоцентризм. Эпоху Екатерины можно назвать периодом застоя и диктатуры олигархата. Павел попытался что-то изменить, но невидимая рука англосаксов его настигла. Оболганный российский император. В нашей истории много вранья. Например, якобы убийство Иваном Грозным своего сына, который на самом деле умер от банального отравления. С поздними Романовыми тоже не все так хорошо, как хотелось бы... Николай Первый еще куда ни шло... Понимали ли они, как на самом деле устроена мировая политика? Сомневаюсь. Уж Ни-

колай Второй точно ничего не понимал. Иначе после революции не обращался бы за помощью к Георгу. Хотел у волка найти защиту от других волков. Я – не историк. Это субъективные оценки профана...

– Дэн, ты думаешь, если бы Павла, например, не грохнули, история пошла бы по-другому?

– Без сомнения. Прежде всего не было бы войны 12-го года... Британцы же не зря так его не любили... Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты. Кстати, знаешь, старик, что сказал Наполеон, когда ему доложили об убийстве Павла? Я прочел где-то случайно его цитату...

– Нее...

– Наполеон сказал: «Они настигли меня в Петербурге...» Видимо, понимал, что и как устроено в этом мире... Потом англосаксы этого же Бонапарта направили на нас... Похоже на ситуацию со Второй Мировой. Павла оболгали в учебниках, как и того же Ричарда Третьего, например. Историю, как известно, пишут победители.

– И кто, получается, у нас победил?... Интересно! Ну, я-то – сталинист, так сказать, убежденный... Ты в курсе.

– Витя, революцию и все, что потом случилось, трудно оценивать только в позитивных категориях.

– Вот именно! Но большинству людей тогда жилось лучше, чем сейчас. Понятно, что модные программеры в современной жизни устраиваются неплохо. Кстати, в Штатах намного круче, чем здесь... Я думаю, если бы не Сталин, все

бы просто рухнуло. Если бы какой-нибудь Троцкий захватил власть... Мировой Комминтерн. До сих пор, почти столетие, растаскивают и проедают то, что построил Иосиф Виссарионович! У наших олигархов вообще конфликт полушарий. Они все не любят Сталина. Но очень любят делить заводы, которые он построил.

Диспут на исторические темы несколько затянулся. Постепенно подошли к современности. Здесь взгляды Давида и Виктора несколько разошлись. Незаметно опустела бутылка виски. Давид вовремя сказал себе «стоп».

– Витя! Если все это правда, то ты занимаешься опасным делом. Я не уверен, что тебе это нужно. Не уверен, что это вообще кому-нибудь нужно. Завтра меня ждут коды, коллеги и клиенты... Три «К». Я ложусь спать. Ты вызовешь сам такси?

– Да. Странно, уже одиннадцать! Так что, тебе интересно то, что я рассказал? Ты можешь со мной в это вникнуть? И давай вместе посмотрим, как с этим можно работать?

– Не знаю, зачем мне это нужно. И только не завтра! Я должен вернуться в нормальный ритм. Условно в пятницу...

– А эта пятница – 13-е...

– Я не суеверный!

– О, уже есть машина! Пока, старик! Высыпайся! Завтра будешь нести на плечах всю контору.

Глава 3

Пятница подкралась незаметно. В обед позвонила Маша.

– Милый, я не видела тебя уже несколько дней... Это Вечность! С этим надо что-то делать! Я скучаю. А сегодня пятница...

– Я тоже соскучился. Но сегодня я обещал Виктору вникнуть в какую-то мега важную теорию. Извини. А завтра можем начать ужин прямо с утра.

– Ок. Тогда я приеду к тебе сама утром. Часиков в двенадцать?

– Отлично! Я забронирую на вечер столик в «Турандот».

Из офиса Давид поехал к Виктору домой. Его небольшая квартира представляла из себя холостяцкую берлогу с кучей железного хлама. То есть, как бы не хлама, а весьма дорогостоящего оборудования. На столах, на системных блоках, на подоконниках стояли грязные тарелки, стаканы, упаковка от фастфуда и пустые бутылки. На всех горизонтальных поверхностях валялась одежда и какие-то бумаги. Виктор встретил его торжественно.

– Ну что, Дэн? Ты готов слушать и пробовать погружение? Если сам не попробуешь, ты просто не поймешь и не поверишь!

– Ну, не пугай так сразу...

– Садись. Вот сканер. Правда не такой, как ты привык. Он

сканирует те электрические взаимодействия, которые происходят, например, в моем или твоем мозгу. А теперь давай я тебе покажу алгоритмы. Начнем с простого... Смотри. Открываю. Вот те формулы, которые описывают взаимодействие пространства и времени....

Виктор долго и подробно объяснял все то, что для него представлялось очень важным. Давид старательно вникал. Но у него не получалось успевать за другом. После получаса объяснений Виктор спросил:

– Так, может, попробуем? Ты готов поработать бета-тестером?

– То есть, подопытным кроликом? А что в итоге должно получиться?

– Я сейчас запускаю систему. Сканирую твой мозг. И ты оказываешься, то есть, твое сознание, в любой выбранной нами точке пространства-времени. Правда в чужом теле. Я пока не понимаю, как передвинуть тяжелые частицы. Другая система. Главное – масса. Надо дальше все апгрейдить... Итак. Надо четко выбрать объект, который будет связывать тебя с системой. Ну как бы конкретное лицо. Поскольку у нас нет информации обо всех людях, которые жили на Земле за всю историю ее существования, то надо выбрать конкретную известную личность. Скажем, исторически достоверную.

– А что будет с сознанием того человека?

– Я поменяю ваши сознания местами. Его мозг будет находиться в твоём теле как в контейнере. Но для него пройдет

одно мгновение. Он даже не успеет понять, что это и где он. В худшем случае потом будет думать, что ему приснился кошмар с инопланетными существами. Дело в том, что при этой операции для его системы и для нашей время идет по-разному. Помнишь мысленный эксперимент Эйнштейна? Тут работает этот же принцип. В нашем мире проходит мгновение, а в том столько, на сколько можно там остаться.

– И на сколько же можно там остаться?

– Пока, Дэн, не знаю. Мой рекорд – два часа там. Потом система меня вернула. Ну, таймер мы сами здесь ставим. Страшновато, конечно. А вдруг там заблудишься, кто-то что-то сделает с тобой, и ты не сможешь вернуться?

– И где ты был? Если, конечно, можно это все серьезно обсуждать...

– Я был в 1937... В теле друга своего деда... Потом могу рассказать подробности. Меня почему-то больше всего поразил свет там. То есть, обычный солнечный свет. Он там какой-то не такой...

– Может, экология чище? Не обижайся! Я пока не очень верю в этот бред. А в свое собственное тело, но на какое-то время назад, я могу попасть?

– Я не пробовал. Не знаю, почему. Но можно попытаться... Ты хочешь что-нибудь исправить в своей жизни? Учти, что тогда и твое настоящее может измениться совершенно неожиданным образом, старик!

– Нет, я ничего не хочу менять. Пока моя совесть чиста.

Витя, ты уверен вообще, что это, как минимум, безопасно?

– Старик! Я ручаюсь! Я сам ТАМ был!

– Куда я должен положить свою красивую голову?

– Ложить ничего не надо. Садись в это кресло. Давай обсудим, где и когда ты хочешь оказаться? И точно в своем теле? Давай для начала возьмем три минуты?

– Ну давай три! Да, в своем. Хотя прикольно было бы оказаться в Машинном или еще можно вспомнить подружек... Давай, прошлый вторник, 21 час. Другие подробности тебе не нужны? Не верю!

Виктор прикрепил к голове друга какие-то клемы. Сел за комп и начал там что-то творить. Давиду хотелось поострить, но это быстро прошло, так как на какое-то мгновение он потерял сознание. Вдруг он увидел Машу. Она была в коктейльном платье, а вокруг толпа людей. Рядом с ней две лесбиянки, Аня и Илона. И здесь как бы включился звук. Маша о чем-то трещит с Анечкой. Илона скучающим взглядом рассматривает окружающих. И тут Давида понесло...

– Слушай, Илона, а может вам мужиков найти, пока не поздно? И не стоит в твоём возрасте одеваться под мальчика. Честно, не убедительно.

Илона посмотрела на Давида с выражением ужаса и отвращения.

– Что-что? А где здесь курят?...

В этот момент перед глазами Давида появилось лицо Виктора.

– Ну как, старик? Ты жив? Как голова?

– Что это было? Ты меня чем-то обкурил?

– Дэн, я же тебе все разложил по полочкам. Ты можешь сам проверить алгоритм. Ты был ТАМ? Что ты там видел?

– Если это не химия...

– Нет, старик, это физика. Время, пространство и много математики.

– Я был в прошлом вторник! Это был сон? Мне надо подумать. Ты можешь дать мне алгоритм? Я хочу сам посмотреть.

– Да пожалуйста! Но потом надо еще прибор собрать правильно! То есть, у нас получилось подселить тебя в тебя же... Ну, говорить о том, что все это между нами, смысла нет?

Глава 4

На следующий день приехала Маша. Зайдя в гостиную, она сразу плюхнулась в кресло.

– Осень началась. Погода скверная. Помнишь, какой был чудный вечер после Премии? Я все думаю про того мужика с сигаретой...

– Не надо думать. Тем более о мужиках... Иди ко мне...

Вечером Давид и Маша поехали в «Турандот».

– Как мне здесь нравится... Очень буржуазно! Доди, ты молодец! Спасибо!

– Кстати, забыл тебя спросить. Как ваша премия? Вам же тоже там что-то дали? Вашему мега гламурному журналу?

– Ах! К сожалению, без сюрпризов. Нам дали только вторую. По этому поводу в офисе все ныли и возмущались всю неделю. «Мы – лучшие!» «Мы задаем тренды» «У нас лучше целевая» «У нас элитные рекламодатели, а те – почти масмаркет» Все в том же духе! В следующем году дадут первую премию нам. Надеюсь. Между двумя-тремя первыми мировыми брендами всегда жесткая конкуренция. Идем нос к носу... К счастью, еще пока рекламные объемы не сильно пострадали. Хотя, конечно, внутри есть дифференциация. Диджитал уже опережает по объемам бумагу.

– А как вообще впечатление от мероприятия?

– Как всегда! Гламурно. Хорошая публика. И я обожаю

черную икру. Лично я всем довольна! Правда я не поняла, чего ты наехал на Илону?

– Я?!!!

– Доди, милый, конечно, ты! Чего-то там сказал ей про ориентацию! Это ерунда. Илона не имеет влияния на мою жизнь. Но вообще смешно!

Давид на некоторое время потерял дар речи. Значит, ему не померещилось? Что-то пошло по-другому? Ведь он отлично помнил тот вечер. Здесь Маша увидела мужика лет пятидесяти, с всклокоченной бородой и широкой улыбкой нерусского человека. Он радостно махал Маше рукой. Маша тоже ему махнула, и мужик подошел к их столику.

– Давид, я тебе хочу представить Томаса Шнайдера, лучшего фэшен-фотографа Германии и не только... Сейчас он в Москве. Кое-что снял и для нашего издания. Я просто обожаю его работы!

Маша обратилась к фотографу по-немецки:

– Томас, это Давид, мой друг. Он руководит большой компьютерной компанией. Очень умный и все знает про программирование. Ты здесь ужинаешь?

– Оооо! Здесь так дорого! Это как-то недемократично. Москва – очень дорогой город! Это не Берлин и даже не Мюнхен! Маша, я здесь на встрече. Друзья пригласили. Ужинать здесь добровольно я бы не стал. Программирование – это так современно. Кто бы мог подумать тридцать лет назад, что будет такая сущность – программы. И вся жизнь будет

зависеть от них? Я не быстро перешел на цифровую камеру. И все равно пленка – это настоящее искусство!

Когда фотограф ушел, Давид спросил:

– Маша, я очень плохо знаю немецкий. А что у него на майке написано? Там что-то про стену?

– Ну да! Там написано: «Верните мне берлинскую стену!»

– Ничего себе! Немец не доволен объединением Германии?

– Ну, там разные люди есть. А он принадлежит к тому поколению, которое помнит условия жизни в ГДР. Он, естественно, с востока. В Германии пока или уже не преследуют за убеждения и за футболки...

Глава 5

В трудах и сражениях за денежные знаки Давид провел следующую неделю. Периодически в кабинет заскакивал Виктор и спрашивал: «Ну как? Ты готов двигаться дальше?» Но Давид был озабочен только делами этого мира и проводить эксперименты категорически отказывался. Однако в конце недели Виктор добился своего. Они снова приехали к нему домой. В квартире было немного почище. Видимо, Виктор провел генеральную уборку.

– Витя, может тебе завести постоянную подружку? Будет бесплатно заниматься твоим хозяйством.

– К этому «бесплатно» прилагается другая плата. Кстати, не всегда без денежных знаков. Сейчас у меня, старик, просто нет времени. Я очень занят. Надо понять, что можно из этого извлечь. Или закрыть и забыть. Кстати, ты там что-то говорил про своих исторических кумиров. Может, попробуешь взглянуть на них собственными глазами?

– Витя, у меня нет кумиров. Даже в нашем мире. Это не цинизм. Просто я трезво смотрю на вещи и на людей.

– Ну, Павел Петрович, например, которого так оболгали? Или Николай Первый? Ты можешь взглянуть им в глаза и взять интервью...

– Ладно! Павел! Я вернусь обратно без повреждений?

– Надо выбрать человека, которого мы сможем поюзать.

Что ты знаешь об исторических персонажах?

– Ровным счетом ничего!

Виктор сел за комп.

– Во! Как тебе светлейший князь Платон Александрович Зубов? Последний бойфренд мамыши Павла. Неужели ей чего-то хотелось в шестьдесят лет? Геронтофил гнусный, не брезговал ложиться в постель со старухой ради денег. Похорошему ему бы надо шею свернуть... Но свернули как раз не ему... Зато гламурный. Почти как ты... Давай попробуем на три часа... Сможешь почувствовать себя древним олигархом. 15 часов 17 февраля 1801 года. Павел еще был жив... Стоп! У нас разные календари! По какому стилю? За сколько дней до его смерти?

– Это последний раз! Мне не нужна история. И мне все равно, что с ними было... Только ради науки... я иду у тебя на поводу. Конечно, по тому календарю... По Юлианскому. Чтобы не запутаться....

– Ок. Сейчас посчитаем...

– Зачем мне Зубов? Я не хочу быть Зубовым! Мне и так хорошо....

Виктор прикрепил к голове Давида клеммы и включил свою систему.

– Так далеко я еще не погружался.... Интересно...

Это было последнее, что услышал Давид. Лицо Виктора расплылось в тумане.

Давид увидел перед собой какую-то смешную старую го-

лову в немыслимом белом парике. Голова торчала на согнутом теле в старинном бархатном камзоле неопределенного бурого цвета.

– Ваша светлость, не изволите откусать? Уже подано. И барышня ждут-с в ихней комнате... Просили вам сказать.

Давид повернул голову в разные стороны и увидел странную, но по-своему роскошную обстановку. Огромная зала с невероятной цветной лепниной на высоченном потолке. Стены плотно увешаны картинами. Позолоченная мебель, изящные китайские и французские вазы, хрустальные канделябры и огромный зажженный камин у одной из стен. Вся эта роскошь тонула, мерцала и блестела в лучах неуверенного зимнего солнца, заливавшего помещение из огромных окон с парчевыми золотыми гардинами. Из залы в другие помещения вели несколько дверей. Давид увидел, как в одну из них вышли какие-то два парня, по виду лакеи. В углу на бархатном кресле сидела маленькая обезьянка и копошилась лапками в собственной шерсти. Давид постарался посмотреть на себя и увидел, что одет в расстегнутый голубой камзол по павловской моде. Пуговицы на вид были серебряными. Под камзолом была объемная кружевная рубашка. Перед ним, подобострастно согнувшись, стоял человек лет шестидесяти. «Ага, видимо, это мой лакей. Как же к нему обращаться?»

– Что-то я вчера несколько перебрал, голубчик. Как-то мне нехорошо! Отведи меня в столовую. А что за барышня

у нас сегодня?

– Да все та же, ваша светлость, что и прошлого дня. Наталья Ивановна-с. В постели еще-с. Девкам не велели входить. С вами всю ночь провели-с. Просили вашу милость к ней...

– А-а-а-а!

Протянул ошарашенный Давид, пытаясь придумать, что делать дальше. Не есть же еду, которая истлела больше двухсот лет назад... Не спать же с девушкой, которая старше тебя на те же двести лет...

– Ваша светлость, парик сейчас прикажете или после стола?

– Давай после... Пошли, проводишь меня, где еда. Хоть посмотрю, что ли...

Лакей засеменял вперед. Обезьянка соскочила на пол и быстрыми прыжками обогнала старика. Давид за ними зашел в такой же огромный зал, который, видимо, считался столовой. Длинный, персон на двенадцать, стол был уставлен красивыми тарелками с блюдами, супницами, бутылками и прочим. Во главе стола стоял набор пустых тарелок и лежал один комплект позолоченных приборов. Возле стен замерли трое безмолвных лакеев. Давид сел в удобное бархатное кресло. Лакеи всем своим видом изобразили готовность служить, но знака от старшего не получали. Обезьяна начала наматывать круги вокруг Давида, издавая неприятные и резкие звуки. Было очевидно, что ей что-то не нравится.

– Кыш, шишига! – Крикнул старый лакей. Но животное

не унималось. Старик схватил большую салфетку со стола и начал ею угрожающе размахивать. Молодцы у стен тоже подключились к атаке на животное. Обезьяна наконец отбежала в дальний угол комнаты и притихла.

– Милый, извини, забыл, как по имени будешь....

– Иван Кузьмич, ваша светлость.... Уж шестой десяток лет...

– Хорошо! Отпусти парней-то. Я хочу с тобой с глазу на глаз побеседовать.

Старик грозно взглянул на застывших лакеев, и они на цыпочках исчезли из столовой.

– Налей-ка мне, Кузьмич, воды. Пить после вчерашнего сильно хочу.

– Ясное дело! А чего ж воды? Мож рассольчику? Глашка свежий налила.

– Не, сказал, воды!

Лакей засуетился, нашел на столе воду и налил в хрустальный стакан. Давид медленно сделал один глоток. Вода как вода. Но какой-то привкус Давиду все-таки померещился. «А если я здесь останусь навсегда? Кошмар! Человек ко всему привыкает. Хорошо, что Зубов, то есть, я – богатый. А если в крепость посадят? Они же варвары!»

Тут раздался какой-то шум, шелест чего-то непонятного и топот женских каблучков. В залу вбежала совсем юная девушка, лет семнадцати, в чем-то мерцающе-шелковом и розовом, видимо в пеньюаре, накинутом на атласный корсет, с

роскошными распушенными волосами.

– Платоша, милый, вы куда так рано ушли? Я проснулась, а вас нет. Я испугалась. У вас дом-то такой непривычный. И девок моих нет. А ваши тупые...

Барышня села Давиду на колени и чмокнула его в лоб. Он ощутил ее вес и ошарашенно подумал: «Она настоящая!» От девушки пахло приторными духами. Они смешивались с ароматом юного тела. Из глубокого выреза корсета выскользнула одна грудь. На истлевшую плоть она была непохожа. Кузьмич мелкими шагами засеменял по каким-то хлопотам из залы.

– Ладно. Давай потом. Мне подумать надо.

Давид решил потянуть время. Барышня пошевелилась на его коленях, поправила корсет, но не встала. Погладила его волосы.

– Ну зачем вам думать? О чем? Мы едем сегодня на бал? Вы обещали...

– Знаешь, я сегодня как-то не хотел бы... Может, покушаешь? Наверное, все это очень вкусно...

– Платоша, родненький, вы меня узнаете? Что-то я не пойму. Вы обещали, что вывезете меня на бал к Салтыковым! Сколько ж можно меня прятать! Или вы уж передумали на мне жениться?

В это время в зал снова вошел лакей Кузьмич и согнулся в глубоком поклоне. Было видно, что он очень нервничает.

– Ваша светлость, покорнейше прошу вашей милости! Тут

приехали-с. К вам хотят...

– Кто?

– Его светлость граф Пален. Говорит, что у него назначено с вами...

– Зови! Наташа, подождите меня у себя. Я к вам зайду!

Наташа посмотрела на него с немой мольбой, сложила губки в обиженный бантик, подобрала юбки и неторопливо, но очень грациозно, вышла из зала.

Раздались совсем другие шаги. Уверенные, мужские. В зал энергично вошел немолодой мужчина довольно высокого роста в прилизанном парике, с неприятным хитрым лицом, как у пушного зверька. Маленькие глаза блестели затаенным ехидством, но губы расплылись в радушной широкой улыбке. Было очевидно, что он сделал своим оружием умение располагать к себе окружающих. На мужчине был белый сюртук, весь увешенный роскошными орденскими звездами. «Какой неприятный тип! Я бы точно не взял его на работу, при любом опыте и с любым резюме!» – подумал Давид.

– Приветствую вас, милостивый государь!

– И вам добрый день! Присаживайтесь! Как раз накрыто.

– Князь, я не голоден и не страдаю чревоугодием. Сегодня нам надо встретиться у Панина. Надеюсь, вы не станете отлынивать, как прошлого дня? Надо готовиться к решительным действиям. Ваши удовольствия могут и подождать... При императрице-матушке в вас было больше дисциплины.

– Зачем нам Панин, простите?

– Девки и вино лишают вас разума. Нам надо обсудить план нашей кампании. А вдруг ОН что-нибудь предпримет? Я устал один сдерживать его подозрения. Вы же помните, сколько усилий я потратил, чтобы вернуть вас из ссылки? Надеюсь, что мой долг этим я вам уже отдал... А сколько сил я приложил, чтобы выбить у тирана почву из-под ног? Убрать подальше всех этих обожателей, преданных тирану и душой, и телом. Один Аракчеев чего стоил. Слава Богу, с императрицей пока потепление не намечается... Надо действовать, пока он один.

– Вы про Павла Петровича, что ли?

– Про тирана, милостивый государь. Он засел в своем замке с гвардейской охраной. Глуп, все ж таки. Я все устройство замка знаю лучше, чем свое имение. Да и цесаревич колеблется. Они стали чаще встречаться. А вдруг наступит потепление? Надо что-то с этим делать. Мы столько работали, чтобы ранее наследник Павел не сблизился с императрицей-матушкой. И ваша заслуга в этом есть. Теперь нельзя допустить восстановления доверия между отцом и сыном. Их монолитность – смерть нашему делу. Собирайтесь! Вы расхристаный и похожи на лакея. Парик-то где? Поедем в моей карете. Я вас и завезу после. Там будут все.

Давид крикнул:

– Кузьмич, сюда!

– Чего изволите, ваша светлость?

– Парик! Любой! И приведи меня в порядок!

Лакей принес смешной белый парик, наладил его на голову Давида. Отряхнул и застегнул его сюртук и принес сапоги. Давид с брезгливостью засунул в них ноги, но тут же подумал: «Стоп! Это ж тело Платона Зубова одевает собственные сапоги».

Возле входной двери Кузьмич набросил на плечи барина что-то вроде шинели с меховой подкладкой. На улице встретил еще морозный февральский воздух. Солнце уже зашло за тучи. Пален энергичной походной выбежал по лестнице из дворца. Давид оглянулся и осмотрел свой новый дом. «Неплохая избушка... Но я уже хочу домой»

На запятках кареты Палена стояли два нарядных лакея. По дороге заговорщики сначала молчали. Давид пытался в маленькое окошко кареты осмотреть пейзаж. «Первый раз еду в карете. Это ж надо! Это Питер! Надо бы прогуляться...» Тело Зубова подскакивало на ухабах и сознание Давида подумало, что седан намного лучше кареты. Иногда Пален посматривал на Давида со смесью пренебрежения и недоверия.

– Нам много раз не везло. А работа была проделана немалая! Де Рибас еще чуть не донес императору. К счастью, своевременно представился. Павел Петрович ловко тогда все раскрутил. Хорошо хоть я не попал под раздачу. Да и общественное мнение было еще не готово. Цесаревич еще в возраст не вошел. Но сейчас подходящее время. Мы много сделали по очернению императора. Самое лучшее – сочинить

о нем анекдоты. Так сделано было и при Людовике французском. Просто придумать смешные и нелепые истории и как можно старательнее распространить их в народе. О правде можно не заботиться, никто ею интересоваться не будет. Слухи о его душевной болезни – это находка. Право, сам самодержец дает им повод. Пусть теперь перед историей оправдается, что не сумасшедший! Карикатуры и разговоры подрывают доверие к нему. Очень действенно. Как он разочаровался-то со своим ящиком для народа, когда мы забросали его пасквилями! Наши друзья подобным образом и с французской тиранией боролись. Бонапарт теперь путает карты. А его так не устранишь, хитрая шельма! Еще только союза с нашим новым рыцарем не хватало! Имейте в виду, те, кто там собрался, не должны понимать истинные цели великого замысла. Они просто марионетки. Как гатчинские солдафоны. Но в наших руках. Надобно все время выискивать среди гвардейцев обиженных и недовольных. К счастью их предостаточно! Наводним ими Петербург. Великие масоны знают, что делают. И нам с вами доверена высокая миссия творить историю! Мы – избранные! Так что скажете, вы готовы?

– А почему вы думаете, что историей можно управлять? Ведь все может пойти не так, как хочешь...

– Видите ли, мой друг, я не философ. И не идеалист. И даже не русский... Да и в церковь хожу из приличия и правил нашего общества. Музыку небесных сфер я не слышу. Не верю в божественную предопределенность и в избранность

императоров. Это люди и всего лишь. Отнюдь не всегда лучшие из нас... Но есть другие люди, наделенные настоящим умом и властью превыше императорской. Им не обязательно выпячиваться и залазить на трон. Лучше стоять рядом, за тронем. Вот в Англии, например, король-то действительно безумен. Так не думаете ли вы, что он сам управляет империей? За ним стоят совсем другие, подлинные властители. Они веками ведут кропотливую работу по преобразованию человечества. И имеют высокие цели. Результаты их деятельности мы все можем наблюдать, если посмотрим на события вокруг нас пристально и с холодным умом. Я предпочитаю служить сильным, а не слабым. Надеюсь, как и вы. И за мной стоят очень серьезные люди. Ну и благополучие тут тоже не последнее дело.... Где бы был род Зубовых, если бы не ваш блистательный успех у покойницы-императрицы?..

На это Давиду нечего было возразить. Ведь он, то есть, Зубов, действительно спал со старой Екатериной... Через минут десять карета куда-то приехала. Это был снова дворец. Давид плохо знал Питер, а тем более его историческую архитектуру. Он не мог понять, где оказался.

Пален первым поднялся по широкой лестнице. Пройдя амфиладу роскошных комнат или залов, по которым снова-таки лакеи в ливреях, Давид и его новый знакомец вошли в кабинет или библиотеку со множеством стеллажей, заставленных книгами. Возле камина, на креслах и софе расположилось восемь или десять мужчин. Давид не успел сосчитать. К

ним приблизился невысокий мужчина с радостной улыбкой и бросился к Давиду с объятиями.

– Приветствую вас, ваше сиятельство! Мы вас ждали! Немного шампанского? Я сам наполню вам бокал. Лакеям здесь не место.

Давид понял, что это сам Никита Панин, хозяин дома, племянник воспитателя императора и один из главных заговорщиков. Он взял наполненный какой-то жидкостью бокал, но пить не стал. Мужчины оживились. Хозяин дома обратился к Давиду:

– Милостивый государь, вы наш идейный вдохновитель! И ваши благородные братья, без сомнения, тоже. Как наследник матушки-императрицы, в духовном и моральном качестве, конечно! К несчастью, она оставила после себя на троне этого упыря с манией подлинного императора. Этого Калигулу наших дней. Это ж надо, как дворян щемит! Хочет отнять у лучших людей достойную жизнь. Все время изобретает новые налоги... И конца этому нет. Крестьян балует. Что ж они за три дня наработают? Все благородное сословие по миру пустят. Уже пустили... А с корсиканцем как схлестнулся? Тиран не помнит, что революция делает с плохими императорами? У нас не в моде гильотина... Мы – не дикари! Отстраним Павла. Пусть отречется от престола в пользу Александра. Да и великая Екатерина так хотела... Не успела матушка Александра Павловича возвести! Где ее завещание? Надо дать России конституцию. И республику устано-

вить по образцу северо-американской! Надо уничтожить все эти реформы безумца и вернуть старину, как при Императрице. Да и наследнику будет урок. Чтоб уважал достойных людей, на которых империя держится! А то скоро не равен час черный люд уравниют в правах с благородной костью.

Раздались крики одобрения собравшихся. Некоторые из них тоже пожелали сделать заявления:

– Старую гвардию как обижает! Муфты наши, видите ли, ему не по нраву! И наши адъютанты! Безумец желает, чтоб русская гвардия вся по немецкому уставу жила – грязь, холод и голод. И смерть безвременная за тирана. В швейцарских горах или в Индии. Раньше мы на балы все ездили, а теперь с пяти утра муштра на плацу.

– А у гатчинских-то довольствие поболее... И чины поскорее. Так пусть с ними и воюет! Ишь, в Индию идти. А кто там был? Македонского из себя вообразил...

Все начали шуметь. Каждый стремился привести свои аргументы против императора. Тут, чтобы прекратить нестройную дискуссию, вступился хозяин дома, Панин:

– Ну что ж, господа, давайте обсудим реальный план! Кто и за что несет ответственность. Каковы наши силы? Сможем ли мы принудить тирана передать власть наследнику? Готовы ли мы положить свои жизни за это?..

К Давиду подошел еще один мужчина, со странными, очень светлыми рыбьими глазами, пристально глядя на него, произнес с ласковой улыбкой:

– Ваша светлость, вы зря не принимаете наше предложение вступить в Великую Ложу Севера. Там всегда рады братьям по духу. В нашей ложе много влиятельных людей и не только из России.

– Ну что вы, сударь, я не отказываюсь вовсе... Скажите только, когда и где?

– Когда и где? Да вы сами решите, когда... Где...? Да у меня же... Побеседуем с глазу на глаз.

Человек еще раз таинственно улыбнулся и отошел в тень. Давид напрягся, пытаясь вести себя в соответствии с обстоятельствами. Он не мог понять, как ему говорить на том русском, который был здесь принят. «Неужели еще не прошло три часа? Неужели я здесь останусь навсегда? Зачем мне это? Да, но я могу сейчас разоблачить этот идиотский заговор придурков в дурацких париках, которые еще не знают, что их уже не существует» Давид поискал взглядом человека с рыбьими глазами, но его нигде уже не было видно. В душе шевельнулось беспокойство. Давиду захотелось срочно прервать этот сон. Вперед в кружке выступил Пален, единственный, кого Давид по крайней мере знал по имени.

– Господа! Платон Александрович еще в опале у тирана. Но я могу замолвить за него словечко, чтобы он был вхож в Замок. Нам нужны все сведенья, об охране в том числе, об окружении императора... Было бы хорошо, чтобы в решительный момент там были семеновцы... Доложу императору о раскаянии князя Зубова, о желании смыть кровью нанесен-

ные обиды, например, в грядущем индийском походе. Пока тиран ко мне прислушивается. Хотя долго неистовствовал по поводу нашей встречи в Риге год назад. И надо обсудить дело с английскими друзьями. Посла Уитворта тиран выгнал, но связи остались... Я возьму эту миссию на себя. Мнение великой империи как никогда важно на мировой арене. Они сильно вложились в избавление Франции от Бурбонов. Россия их тоже устраивает только с европейским монархом, а не с этим сумасбродом, который все грезит об избранности Российского престола. Император порвал с Англией в угоду своим амбициям. И повел наступление на достойных людей, на гвардию императрицы, на все наше дворянство. На когда назначим тот самый день и час? Как мы и полагали ранее – мартовские иды как символ борьбы с тиранией? Пора приступать к делу. И определить ответственность каждого из нас.

– Господа, а вы уверены, что так будет для России лучше? Без Павла Петровича?

Давид услышал собственный голос, произнесший эти слова, и искренне им удивился. Мужчины зашевелились. Некоторые встали с мест. Пален неприятным металлическим голосом произнес:

– Милостивый Платон Александрович, вы сами нас сюда завели, а теперь через единственную дверь хотите выйти? Трезвость вам не к лицу. Что вы бокал-то греете? Здесь нет отравителей...

Давид закрыл глаза, поднес бокал к губам и сделал глоток. В этот момент он увидел лицо Виктора.

Глава 6

– Старик, ты как? Я начал переживать. Хотя по нашему времени прошло три минуты... Что ты видел?

– Если это не сон...

Больше Давид не мог ничего произнести. Он вспомнил Наташу, ее запах и вес ее тела. Станных мужиков в париках, роскошные интерьеры и свет камина. Давид глубоко вдохнул воздух...

– Здесь лучше. Но там такое происходит! Они как живые. Они на самом деле собираются убить императора. Пока, правда, речь идет об отстранении. Но мы-то знаем, чем это закончится. Что делать?

Виктор пожал плечами.

– Тебе виднее... Они его уже убили вообще-то.

– Я поехал домой. Мне надо подумать. И я до сих пор не посмотрел твои алгоритмы. Я хочу понять, как это работает. И что с этим делать... Надо почитать что-то и принять решение...

– Старик, ну ты вообще понимаешь, что это открытие века? Нет, это открытие всей истории человечества! Надо что-то делать. Но что? Надо совершенствоваться. Но как взять на себя ответственность? Это очень сильное ощущение – знать, что мы можем манипулировать пространством и временем!!!

– Никому, слышишь? Никому ни слова. Давай все обдумаем. Может, еще поэкспериментируем. А там, на холодную голову, будем принимать решения. Скажи, ты говорил об этом с кем-нибудь?

– С кем? Ты – мой единственный друг. И только ты можешь это понять...

Давид начал активный поиск любой достоверной информации о Павле Петровиче и людях, его окружавших. Все источники были очень противоречивы и заполнены устоявшейся ложью. Чтобы составить объективное представление о деятельности императора он решил в основном анализировать решения и указы самого Павла, читал письма и воспоминания современников, друзей и врагов. Также Давид пытался понять, кто кем был на собрании заговорщиков. Как будто ловил отблески света далекой свечи. Понятно, что он полагался на стариков Яндекса и Гугла, импровизируя с запросами. И нигде не нашел упоминаний о Наташе. Да и с какой стати? Еще одно тело, возможно из сотен, в постели последнего любовника императрицы. Давида искренне удивили неприличные письма Екатерины к Потемкину, бойфренду в отставке, с описанием достоинств нового любовника, Платона Зубова. «Да-а-а, высокие отношения! Как эта женщина, так много думавшая о сексе, могла управлять империей?...»

И вот к чему он пришел: фактически Екатерина была узурпатором, поэтому – очень зависимой от олигархии фи-

гурой. Заигрывание с просветителями и масонами наводнило страну шпионами и агентами влияния, ведущими тайную борьбу с русской монархией. Павел занял свой престол законно и никому не был должен. Но, к сожалению, не нашел достойных соратников или терял их в результате дворцовых интриг. Сам приближал к себе врагов и предателей. Долгие годы мать изо всех сил старалась держать его подальше от двора и политической деятельности. И Павел с этим смирился. После сорока лет как-то поздновато знакомиться с реальностью. По сути Павел Петрович был неискушенным в интригах идеалистом, который провел большую часть жизни в уединении, среди книг, рыцарских историй и фантазий об идеальном государстве. Доверчивость Павла была естественным следствием его личного благородства. Но жизненная стезя наследника, а потом облеченного почти безграничной властью императора огромной страны, полна опасностей. Сам того не желая, Павел практически всю жизнь был в центре сплетен, заговоров, зависти и ненависти. Любовники матери, развращенная аристократия и, наконец, агенты иностранных спецслужб сначала сражались за влияние на него, а потом просто принесли в жертву своим корыстным интересам.

Решения Павла по различным областям устройства государства безусловно были передовыми для России того времени: реформы в армии, ограничение привилегий дворянства, в том числе обязательность службы, фактическое сни-

жение давления на крестьянство и борьба с влиянием французской революции за сохранение европейских монархий. Начала наполняться разоренная Екатериной казна. На самом деле всего за четыре года Павел практически реформировал империю и заложил основы будущего развития. Он пытался мягко повернуть страну с пагубного для нее так называемого европейского пути развития, навязанного Петром и ведущего к падению монархии, на собственный, русский. Давид согласился со Шпенглером, написавшим, что прозападный поворот для России был большой ошибкой и практически уничтожил самобытность русской цивилизации как европейской альтернативы. Русская нация фактически потеряла свою цивилизационную идентичность. Короткое правление Павла стало узловым моментом в истории страны. И Россия действительно могла получить другое будущее, если бы этому не помешала кровавая ночь с 11 на 12 марта 1801 года. «Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые»

Недолгая жизнь Павла была окружена мифами и легендами: фатальные предчувствия, пророчества монаха Авеля, история про встречу императора с призраком Петра I и прочие необъяснимые с точки зрения логики вещи. Загадочная встреча с прадедом для Павла была не только пророческой угрозой, но и логичным столкновением двух антагонистов. Прадед разрушал, правнук начал созидать. Давид подумал, что неплохо было бы там оказаться и пощупать это привиде-

ние за нос.

Он посмотрел фильм «Бедный, бедный Павел» и ничего интересного, кроме игры Сухорукова, там не обнаружил. Фильм оказался костюмированной фальсификацией истории, построенной на утвердившихся штампах. Многое даже расходилось с известными фактами. Ни влияния англичан, ни мести семейства Зубовых, ни большой политики... А Пален – просто чудаковатый тип, который без всякой корысти устроил государственный переворот. По логике фильма получалось, что императора убили за то, что он делал макеты Петербурга. Что же тогда должны были сделать с Петром за все его художества? Возможно, в 2003 году по-другому снять этот сюжет было невозможно. Павел Петрович должен был войти в историю России как безумец. Образ бедного императора стал выступать из небытия отчетливей. Было в его жизни что-то не только трагическое, но и эпическое. Иногда Давиду казалось, что в старых текстах, восставших из пепла и праха, он слышит гул далекого урагана, который носится над заснувшей холодной землей, и скрежет невидимой космической машины, беспощадно перемалывающей тонны человеческого материала. «А Павел был прав!»

Давид открыл глаза. Он всегда просыпался быстро и почти никогда не помнил снов. Они мгновенно улетучивались, не оставляя никаких следов в его сознании. Рядом на темно-синей постели лежала обнаженная Маша. Во сне все ее мышцы расслабились, и от этого Машино лицо приобрело

почти детское беззащитное выражение. Давид отмахнулся от странного незнакомого чувства и осторожно вышел из спальни. Заварил кофе и почистил апельсин. На кухню зашла Маша в его халате.

– Доди! Сегодня воскресенье и можно еще спать...

– Я сейчас приду...

– Ты знаешь, мне вчера сделали предложение!

– Ничего себе! А почему у меня не спросили разрешения?

– Доди, это насчет работы!

– Тебя хотят назначить самым главным директором вашего издательства?

– Нет, Доди! Все сложнее. Я встречалась с одним странным мужиком. Но он довольно известный в узких кругах. Александр Помукчинский. Смешная фамилия. Он страшно толстый. Ходячий гамбургер. Правда, предпочитает рестораны Новикова. Кстати, меня с ним познакомила Илона-фотограф, помнишь? Раньше он управлял большим издательским домом. Потом, правда, у него была одна нехорошая история... Он даже когда-то привлек внучку Горбачева в качестве главного редактора своего журнала.

– Отличная компания: обжора и внушка проходимца. И чего это всех тунеядцев так тянет в глянцевою жизнь?

– Ну, как будто в твоём бизнесе ты работаешь только с кристально честными людьми...

– Меня вообще люди не интересуют. Лучше бы свести их к кодам. Я работаю свою работу. А в вашем бизнесе, как я

понимаю, довольно много личностного... Все эти издатели с рекламодателями. Я уже не говорю про фотографов, журналистов и модельеров... Так что в сухом остатке?

– Он предложил мне перейти к нему в новый проект на очень престижную позицию. Вроде он выводит еще один европейский бренд на рынок. Правда пока скрывает, какой. Обещал на днях сказать. И я буду главным редактором рубрики Стиль с неограниченной свободой действий. Представляешь? Все мировые показы! Все съемки. Все могу решать сама! Ну, и зарплата соответствующая!

– Звучит как афера. Не люблю толстых мужиков. Они похожи на старых баб. Кстати, говорят, в Таиланде делают хирургию по смене пола за час. Они там руку набили на извращенцах. У Помукчинского хватит денег на перелет в Таиланд? Я надеюсь, Горбачева проспонсирует операцию...

– Фу, какой ты злой. И несправедливый. Может, у него красивая душа.

– Шутишь? Ты много видела душ? В основном, имитации. Кстати, у меня к тебе просьба... Ты – единственная из моего круга общения знакома с гуманитариями. Может, знаешь какого-нибудь профессионального историка?

– Доди, а зачем тебе история? Ты же не собираешься менять профессию? Программисты сейчас намного больше востребованы...

– Да, нет, конечно! Просто кое-что меня заинтересовало. И у программистов могут быть хобби...

– Ты меня удивляешь! Никогда ничего подобного от тебя не слышала! Расскажи, что это? История же она – огромная. Разные страны. Разные эпохи. У каждого историка есть своя специализация.

– Как-нибудь расскажу... Меня интересует Россия конца восемнадцатого – начала девятнадцатого...

– Ну, я могу поспрашивать у нашего народа. Кто-то кого-то наверняка знает!

– Отлично! А теперь давай займемся настоящим делом... Пошли в постель... В отличие от твоих гламурных персонажей моя красота – не подделка...

Глава 7

Вечером Давид отвез Машу домой и позвонил Виктору.

– Привет, Витя! Ты где сейчас? Я хотел бы с тобой поговорить.

– Старик, конечно! Приезжай. Я тут закусываю в Маке возле дома. Знаешь, на Большой Дорогомиловской?

– Хорошее местечко!

– А что делать? Мне лень заниматься хозяйством.

Виктор действительно сидел в Макдональдсе и доедал второй чизбургер. Перед ним валялась коробка недоеденной картошки фри.

– Витя, привет!

– Привет, старик!

– Придется взять хотя бы кофе... Я гамбургерами не питаюсь. – Давид встал в небольшую очередь. Пока он ждал свой картонный стаканчик, Давид рассматривал работников кухни. Это были унылые люди, с отсутствующими выражениями на лицах. Они деловито и без всяких эмоций производили одну и ту же работу. Что-то жарили, что-то складывали и упаковывали. Искусственные улыбки были только на лицах девушек и юношей, которые выдавали заказы. Между простыми работниками деловито сновали люди в особенной форме, мужчины и женщины, видимо, менеджеры. Весь их облик выражал важность и значительность. Но от этого они

живее не становились. «Какая скучная каторга... Интересно, а у них тут бывают хотя бы служебные романы? Или вот так целый день в тоске делать одно и то же? Дааа... Наши программеры выглядят оптимистичнее...» – подумал Давид. С коричневой жидкостью в стакане, он вернулся за столик к другу.

– Витя, как ты можешь все это есть?

– Отлично! Иногда даже нравится. Особенно креветки в панировке. Кофе, правда, у них скверный! Наверное, делают в автомате. И пирожки гнусные. Я тут сижу и размышляю о смысле жизни. Видишь вон ту женщину за сорок, которая жарит фри? Она непрерывно поднимает и опускает в масло огромные железные сетки с картошкой. А потом солит. И упаковывает в картонные пачечки как эта... Такая вот однообразная незатейливая работа. Но, наверное, очень физически тяжелая. И целый день на ногах. А ей уже как-то многовато лет... У нее, по-моему, довольно интеллигентное лицо. Что она здесь делает? Явно это не ее место.

– Ну, откуда ты знаешь? Возможно, как раз ее. А может не вписалась в рынок лет двадцать назад. Чубайс об этом ясно сказал тоже двадцать лет назад.

– Это тот Чубайс, лидер либерал-людоедов, убежденный борец с коммунизмом и приватизатор всего, что принадлежало народу? А теперь чудо-менеджер? Ты знаешь, он недавно сказал, что наше общество глубоко инфантильно... И с ним не поспоришь! Если это общество позволило ему

быть тем, кем он является. Кажется, Чубайс не так давно впервые пообещал выплатить нашему государству дивиденты с «Роснано»... Это очень удобно – распоряжаться имуществом всей страны как собственным. И императором быть не надо – никакой ответственности. Если у Чубайса забрать все, нажитое, сам знаешь, как, то его не возьмут даже картошку жарить в Маке. То есть, супер-менеджер не сможет заработать себе на чашку дешевого кофе.

– Может, эта женщина – мигрантка, например, с Украины? Там сейчас черная дыра... Но меня это не волнует. В глобальном мире экономический успех всегда базируется на силе. Ты в курсе, что твой любимый «Макдональдс», например, не может существовать без «Макдоннелл Дуглас», который производит F15? Это сказал не я – один известный эксперт. А секрет успеха любимой Силиконовой Долины основан на станке ФРС...

– Где военные самолеты и где фастфуд? Зато и то другое несет смерть. Это все алчность. Исследуя природу людей за всю свою, пока недолгую жизнь, я пришел к выводу, что самый страшный порок человечества – животная алчность. От верхов, что само собой разумеется, до самых жалких низов. Лично я изобрел собственный тест на жадность. Кстати, очень мало тех, кто его проходит.

– Это как?

– Если ты хочешь понять, с каким человеком тебя свела судьба, не надо тащить его в горы, надо обязательно попро-

сить у него деньги в долг.

– Ха! Это как?

– А вот так. Просишь у человека в долг деньги, конечно, если знаешь, что они у него в принципе есть, и смотришь, что с ним начинает происходить. И тут начинается такое! Что хочешь... Широчайшая гамма низших человеческих эмоций! Конечно, девяносто девять процентов денег в долг не дадут. Под самыми нелепыми предложениями. После этого можешь больше с этим человеком не общаться. А зачем? Если на него ни в чем нельзя положиться? Ведь деньги, это не просто бумажки или, как говорят, возможности. Это и еда, и, может быть, лекарства... Сам понимаешь, когда-то, когда я не был таким востребованным программистом, я испытывал периодически финансовые трудности...

– Слушай, что-то я не помню... А я тебе деньги одалживал?

– Ну да! За что тебе большое спасибо! В том числе и поэтому ты мой друг...

– Давай ближе к телу. Я думал все это время. Во-первых, по поводу твоего открытия или твоей математики. Получается, что у нас появились невероятные возможности – влияние на время. Может быть, даже на историю. А вдруг это поможет понять настоящую физическую модель Вселенной? Хотя мне пока мало что понятно... Я вижу только новую возможность. Еще не исследованную. Может быть, опасную... Но об этом сейчас никто не должен знать. Надеюсь, ты не

думаешь, что научный мир устроен как в фильме о Хокинге? Найдутся люди, если еще не нашлись, которые захотят все это отобрать у тебя и присвоить. А как они будут это использовать, можно только догадываться. Кстати, сентиментальностью к великим ученым они не страдают. Во-вторых, что делать? Я пока не знаю. Сейчас мне просто интересно. Как компьютерная игра, но с очень глубоким уровнем погружения... Запахи, вес объектов, полная реальность. Ну, да, это действительно реальность... Просто другая. Пока просто приключение. Если не накручивать себя метафизикой и заговорами против человечества.

– Ты же не веришь в консперологию?

– Уже не знаю. На сегодня не определился. Скорее, верю в глубинную историю. Наверное, я хочу еще попробовать туда зайти. Почему Павел? Так получилось. Даже смешно как-то. Реперные точки истории можно найти где угодно... Наша перестройка. Хотя, нет. Перестройка – это уже следствие... Эти реперные точки раньше... Где? Андропов? Хрущев? Еще раньше? Так как раз и придем к Павлу... Можно раньше копнуть... В итоге прийти к Адаму... Имею ли я право вмешиваться? У меня пока тоже ответа нет. По банальной логике – не имею. Или надо зачем-то брать на себя ответственность за исторический процесс? Я не только про социальную справедливость. В отличие от тебя я – не коммунист по убеждениям... И вполне встроен в эту систему... Мне в ней комфортно.

– Дэн, что ты имеешь в виду под словом «коммунист»? Сейчас это может звучать как оскорбление...

– Да, нет, что ты... Просто ты очень любишь людей. А стоит ли? Какое тебе до них дело? Они жадные, глупые и жестокие. Все.

– На самом деле, это конфликт: понимать, что из себя представляет человечество, и любить его. Можно сказать, в голове – когнитивный диссонанс... Да, отдельных представителей человеческого рода любить просто невозможно. Я бы даже сказал, что большинство людей, которых я знаю, не вызывают у меня даже симпатии... Думаю, надо верить в замысел подлинной, духовной, что ли, природы человека. Самое интересное – всегда находятся персонажи, готовые пожертвовать жизнью ради общественного блага... Че Гевара... А тот же Торрихос... Вот их бы спасти! Но как? Да и они там, на другом континенте, руководили... В Латинской Америке как-то много в 20 веке было героев. Плодородная почва, может быть?...

– Витя, Торрихос – это кто вообще?

– Длинная история. Как-нибудь потом расскажу... В современном обществе, мне кажется, присутствует критическая масса плохих людей. Вполне в соответствии с законом Старджона: девяносто процентов всего – говно. Это произошло и потому, что людям внушают ложные ценности. Манипуляции с массовым сознанием. Не ново, но факт... Жажда примитивных удовольствий – здесь и сейчас. Модус

вивенди... Кстати, эти самые потребности как раз и погубили совок. Когда у людей нет метафизических ценностей, сверхважным становится то, что потом утилизируется в канализацию. Все-таки, воспитание и социальная среда имеют значение. Если долго внушать человечеству любую ерунду, то оно в итоге в нее поверит. Все по старику Геббельсу... А внушить можно все, что угодно. Начиная от нацизма или от того, что однополое сожителство – это очень утонченно, а перейти можно и к тому, что каннибализм – естественное природное явление, присущее многим биологическим организмам. У большинства людей в голове вообще вместо мозгов моча. Они в принципе не понимают, что такое причинно-следственная связь. Что делают сейчас и к чему это приведет. У них реальность – набор несвязанных между собой картинок, такое себе клиповое мышление. А вот, например, сталинская модель экономики требовала нового человека. Который свое высшее счастье находил не столько в труде, как говорили пропагандосы, а в творчестве. Или, если хочешь, в творческом труде... А вершиной творчества было служение обществу. Для такого человека потребительские радости становятся убогими и серыми. Как известно, десять процентов в любом обществе – это творческие люди, так сказать – пассионарии. Еще десять процентов – негодяи, которые будут воровать даже в раю. Остальные восемьдесят – просто обыватели, которые имеют потенциал превратиться или в животное, или в человека. В зависимости от того, куда

его ведет элита...

– Как ты нашу элитку не уважаешь!...

– А за что ее уважать? За воровство в особо крупных размерах? За ложь? Сейчас просто энтропия какая-то... Но, я думаю, вполне управляемая... Все это движение имеет определенную цель. А в итоге придем к глобальному концлагерю для большинства человечества. Рабочие пчелы. Уже есть предпосылки... Ты же не будешь спорить, что улей прекрасно организован? А мед – сладкий и полезный продукт...

– Конечно, Витя, не спорю...

– У наших олигархов конфликт полушарий. Они все не любят Сталина. Но очень любят делить заводы, которые он построил. А продвинутые идеи по созданию нового общества недавно уже озвучили наши Собянин с Васильевой. Слышал? А, ну у нас с тобой пока нет потомков... Поэтому тебя сейчас это, вроде как, и не касается... Цифровое образование. Звучит как будто заманчиво и современно. Дистанционка. Электронные учебники и прочие наши ништяки. И тут же другое – замена оценки знаний ученика на оценивание самой его личности. То есть, всего, что делает ребенок в процессе своего обучения. Будет зафиксирован каждый его шаг. Но, самое интересное, – в цифровом портфолио. Иначе говоря, это электронное досье. И оно определит судьбу будущего человека. И ничего в этом досье изменить будет уже нельзя. Например, после школы. Это штамп на лбу. Клеймо на всю жизнь. Без альтернативы... Система поступления

в вуз постоянно меняется. А ИГ отменяют... На основании этого досе многие дети никогда не смогут поступить в высшие учебные заведения. Представляешь? Вообще без шансов! Ни одуматься, ни измениться... Ноль... Это та же самая кастовая система. Как в какой-нибудь Индии... Ты обречен по факту своего рождения в той семье, в которой родился... Как был недавно план так называемого Дальневосточного проекта. Помнишь?

– Нет...

– Введение четырех каст... Немного закамуфлированное современной демагогией... Без слова «шудра», например. Так сказать, рабочие, аграрные работники... Не помню, еще кто-то... И продвинутые, управленцы... Представляешь это безумие? В этой системе смогут выплыть наверх только дети из обеспеченных семей, потому что только они имеют возможность дополнительного образования, посещения кружков и секций и так далее... У таких, как ты или я шансов не будет вообще, то есть – совсем. И очень важным становится понятие лояльности. Ну, видимо, власти... Оно везде присутствует. Цифровое портфолио будет определять так называемое право субъектности всех будущих поколений. Это радикальным образом меняет все человеческие отношения. Незаметно, тихо так, вводится кастовая система в социальных отношениях. Представь, у нас, в России!

– А ставки будут расти. Деньги все обесцениваются... От суммы и от тюрьмы не зарекайся. Или, например, от доли пре-

кариата... С тех пор, как появилось это словечко, оно мне очень не нравится.

– Вспомнил Дизраэли: «хозяева истории». Кстати, мы уже давно живем с «двумя нациями». Ты в курсе, что меньше одного процента семей нашей страны контролируют семьдесят процентов национального богатства? Это не новость. Сообщили на официальном уровне еще лет десять назад. Не помню, кто... Глава счетной палаты, что ли... У нас очень большое расслоение общества. Это, Дэн, определяется специальным коэффициентом.... Ну, продвинутые экономисты в курсе... И я тоже...

– Витя, зачем тебе такая бесполезная информация?

– Мне просто интересно, куда мы все идем стройными рядами... Итак, про экономику: экономисты вывели так называемый индекс «джини». Интересная штука! Важно не то, как живут люди в данном обществе. Они могут даже условно неплохо жить... Важна разница между доходами самых богатых и самых бедных. Этот коэффициент говорит о стабильности системы. Грубо говоря, в первобытном племени или в блокадном Ленинграде стабильности было больше, чем в современном нам обществе. Хотя русским очень тяжело отказаться от идеи социальной справедливости. Для этого надо заменить нам мозги. Что сейчас и делается.... Я недавно был в одной пивнухе. Интерьер в стиле ретро, так сказать, «совок». Ну и там лежат старые советские газеты. Пока ждал пиво, просмотрел их и обалдел! Там же правда на-

писана! Типа новости гнилого Запада: компания АйБиЭм увольняет столько-то тысяч рабочих... Это же и есть реальность! Но теперь и наша... Не ведают люди, что творят. С нынешним кризисом глобального капитализма уже невозможно справиться. Например, за последний год один процент самых богатых людей мира получил доход в два раза больше, чем пятьдесят процентов наиболее бедного населения планеты. Самое высокое увеличение неравенства – в Северной Америке, Китае, Индии и у нас... Здорово, правда? А по Марксу, кстати, необходимым условием нормального производства является воспроизводство самих условий производства, составляющей частью которых и являются его работники, в том числе как база потребления товаров. Потребления самых богатых, одного, пусть даже пяти процентов, населения недостаточно для восстановления мировой экономики. Покупать все фуффло, или не фуффло, просто некому. На Луне или Марсе пока нет рынков сбыта... С падением «совка» новые рынки закончились. А производить-то надо. Иначе откуда будет прирост капитала? Тупик. Без вариантов. Все хитрости уже закончились. Мировой капитал даже в целях собственного выживания не может позволить существование среднего класса. Хотя бы как потребителя. Надо всех закатать в асфальт! Жадность, я же говорю... Генри Форду еще сто лет назад это было понятно. Мир зашел в тупик. Дикое имущественное расслоение автоматически ведет к диктатуре. Видимо так называемая мировая элита в итоге при-

дет к новой распределительной системе... Не путать с коммунизмом! Рождение нового мира...

– Все может быть, Витя. Тогда следующий логический шаг – формирование в человечестве двухуровневого цифрового общества: бессмертная каста и оптимальное количество рабочих пчел. Для этого и новая система образования. Логично. Учитывая тренд на роботизацию с автоматизацией, чипизацию, сети и другие ништяки столько бессмысленных людей планете не нужно. Особенно, если производить нечего и не для кого. Прогресс или процесс, если хочешь, не остановишь. Надо оптимизировать. Это только Швейцария может каждому гражданину просто так давать в месяц две тысячи евро... Сколько тех швейцарцев! Вот, например, один продвинутый профессор из Томска с группой поддержки уже имплантировали себе под кожу электронные чипы. Проект лоббирует Сбербанк! Классно, правда? Ты готов?

– Да, что-то такое слышал.... Ну, это же просто новая оккупация... Двигаемся семимильными шагами в жуткое фэнтези.

– Лично мне не хочется ходить с каким-то барахлом в руке или в заднице. Не хочу также, чтобы мои потомки не вписались лет через сто, или даже двадцать, в рынок, систему или что там будет. Например, чтобы они были исключены из списка разумных существ, достойных жизни и права иметь потомство. Я могу представить, кто будет этот список формировать... Скорее всего вырожденцы и дегенераты...

Возможно, у так называемой элиты и нет плана будущего. Их главная цель – просто продлить настоящее в бесконечность. Получается, исторические события имеют собственный смысл и даже цель? Позитивную или отрицательную – другой вопрос. То есть, история – это не естественный самоорганизующийся процесс, как думают все, а проектно-конструкторское решение. А у любого проекта есть архитектор или бригада архитекторов...

– Дэн, вот тебе «желтые жилеты». С одной стороны, никак нельзя сказать, что их требования несправедливы. А с другой, – все признаки прекрасной организационной работы: поставки еды, воды и тех же жилетов... Сети... Попробуй с соседями по дому договориться о субботнике во дворе...

– Витя, а ты слышал про GDELT?

– Нет. А что это?

– Это такой мега актуальный проект. Продвинутые оборонщики DARPA, наши коллеги из Google Adios вместе с деятелями из Джортаунского университета, решили подойти научно к социальным явлениям современности и к историческому процессу. На платформе Google BigQuery... Ну, данные, как и рукописи, не горят... Мониторинг каждого печатного, вещательного и онлайн новостного репортажа, выпущенного где-либо в мире, начиная с 1979 года. Сейчас и в реальном времени. Затем все это обрабатывается набором алгоритмов... Обладая информацией обо всех трендах, актуальных в каком-то регионе, используя сети, можно и вли-

ять на процессы. Эта же команда оцифровала все подтвержденные факты истории крупнейших стран мира. И они обнаружили вполне обоснованные алгоритмы. Я не очень хорошо вникал в суть... Как-то это вне сферы моих интересов... Помню вывод, к которому они пришли. Примерно так: история России во всех ее конфигурациях – империя, СССР – не вписывается в общий контекст и существенно отличается от истории других стран. Так сказать, Россия имеет свой особый алгоритм. Наша история носит как бы случайностный характер. Но случайности могут быть представлены таковыми и заинтересованными силами. А на самом деле за этим может скрываться некая форма управления... Может быть в историческом процессе, как бы, на метафизическом уровне, действительно идет жесткая борьба неких сил? Возможно эти люди, или не совсем люди, уверены в собственном бессмертии... И поэтому мыслят категориями даже не десятилетий, а столетий.

– Почему бы нет? Я вот подумал, какая самая большая, даже величайшая, человеческая драма? А это же очень просто. Представь себе: у тебя огромное, просто невообразимое количество денег. Не примитивные миллионы с миллиардами, а триллионы триллионов, ну такие космические цифры, стремящиеся к бесконечности. И ты живешь себе. И все можешь. И каждое мгновение жизни доставляет тебе удовольствие, кроме мелочей вроде запора. Да и то легко решается. И вдруг ты осознаешь, что однажды наступит это последнее

мгновение. А потом – все. Никаких космических возможностей! Конечно, можно раз по десять пересадить себе все органы или заняться йогой, но бессмертия все это не даст. Закончатся все удовольствия. У простых людей это называют состоянием экзистенциализма. Простые люди вообще часто хотят, чтобы какое-нибудь мгновение их жизни поскорее прошло. Эта тетка, которая сейчас жарит картошку фри, наверное, больше всего хочет, чтобы ее рабочее время закончилось... Да, так вот! Если у тебя, все-таки, есть триллионы, надо что-то делать...

– Витя, как я понимаю, ищут, ищут! Средство Макропулуса... Личное бессмертие с помощью технологий. Куда-нибудь перенести всю эту свою хрень, которую они считают бесценной и уникальной. Хоть в компьютер. Если то, что будет в будущем, можно, используя категории нашего времени, назвать компьютером... Тогда все проблемы будут решены. Бесконечная жизнь с сохранением всех привилегий и удовольствий реальности. Здорово, правда? Ни трансплантаций, ни угроз, ни эпидемий... Конечно, не для всех... Зачем для всех? Это неинтересно... Возможно, главные процессы проходят на другом уровне... Физика – это только пустота с крошечным количеством непонятных частиц. Как ты говоришь, контейнер для нашего сознания.

– Старик, ты думаешь, меня могут убить?

– Не знаю. Но такие открытия – слишком серьезно. Это не может стать достоянием человечества в том виде, кото-

рый мы знаем сейчас. Найдутся пользователи. Чего-нибудь намутят.

– Что будем делать? Я хотел двигаться дальше. Мне пока непонятно, как перенести физические объекты... И возможно ли это в принципе... Я сейчас только этим занимаюсь. Даже не погружался больше, чтобы не отвлекаться.

– Времени мало для принятия решения. Давай попробуем меня снова туда отправить. Я хочу разобраться хотя бы в истории Павла. Считай, по приколу... Может быть, найду какие-то закономерности или механизмы, которые все это двигают. Для начала надо понять, с кем именно я тогда встретился. Кто они все? Я нашел какие-то исторические соответствия, но, конечно, почти никого не узнал. А вдруг смогу что-то сделать? Пока не понимаю, как. Книжку я с собой взять туда не могу, чтобы показать Павлу, как он кончит... Вселиться в Павла? Но там же в заговоре человек триста... По крайней мере так написано в современной истории. Не казнить же их всех? Я представляю, что это будет для истории... Да, возможно и даже наверняка за всем этим стоят серьезные люди. Ха! Мне так и сказали... Которые уже истлели... Это точно пахнет метафизикой. Они же проводят некую линию, можно сказать, через века. Хотя сами не смогут воспользоваться результатами. Передают эстафету приемникам... Зачем все это?

– Дэн, так ты готов снова погрузиться? А что ты будешь там делать? Внушать, убеждать людоедов? Не убивать же их?

– Хороший вопрос. Здесь тоже по большей части – людоеды. Либеральные ценности не улучшают человеческий материал. Кстати, а что будет, если меня там убьют? Что будет делать этот Зубов здесь?

– Пока не знаю. Здесь же его сознание в твоём теле находится очень короткий промежуток времени. Я надеюсь, что это не случится. Ты хоть там не буйствуй!

– Ладно! У нас впереди тяжёлая неделя. Ты помнишь про новый проект? Сейчас надо напрячься. Кстати, завтра с утра общее совещание. А к концу недели посмотрим.

С утра Давид полностью заблокировал в своём сознании любые воспоминания о том мире. Он давно научился концентрироваться на поставленных задачах. Совещание затянулось. Надо было изложить коллективу суть проекта в доступной форме, правильно распределить нагрузку на отделы, поставить задачи и определить реальные сроки. Давид знал, что управление людьми – одно из самых сложных искусств.

Глава 8

Когда он вышел из митинга, уже наступил полдень. Давид наконец попал в свой кабинет и почувствовал эмоциональную усталость от напряженного разговора с сотрудниками. Он подошел к огромному, до пола, окну. С тридцать четвертого этажа открывался эпический вид на Москву. Экспрессивное осеннее небо, раскрашенное миллионами оттенков серого, с движущимися в разных направлениях, перетекающими друг в друга облаками и тучами, нависло над распластавшимся до горизонта мегаполисом. Мутное урбанистическое месиво шевелилось и дышало, опутанное километрами дорог. Машины, транспорт, пешеходы... Прямоугольники строений с редкими вкраплениями растительности. Отсюда, сверху, казалось, что внизу копошится колония неизвестных микроорганизмов, занятых бессмысленным хаотическим движением. Драматические события, столкновения и слияния, происходившие в небе, выглядели намного более значительными, чем монотонная суeta внизу. «Наверное надо задуматься о смысле жизни. Причем не только своей, а всего человечества сразу. Но я не буду это делать... Просто очень красиво. И приятно смотреть на мир с высоты...»

В дверь постучали, и в кабинет вошла Инга, начальник отдела тестировщиков.

– Извините, Давид Анатольевич! К вам можно?

– Да, конечно. Проходите. У вас вопрос? По совещанию?

– Нет, но можно сказать, корпоративный...

Инга с неискренним смущением улыбнулась и присела на стул возле стола. Давид заметил ее продуманный женственный наряд. Вообще у Инги была нестандартная внешность, хотя и не в его вкусе. Она напоминала компьютерную модель девушки из какой-нибудь стрелялки. Стройная, ноги даже слишком худые в икрах. Совершенно нереальное лицо с резко подчеркнутыми скулами и большими миндалевидными, немного на выкате, глазами. Светлые волосы затянуты в высокий тугой хвост. Настоящий компьютерный вамп.

– Давид Анатольевич, как вы знаете, у нас нет ПР-службы. Я на общественных началах этим как бы занимаюсь... А скоро у нашей компании круглая дата... Надо что-то решать. Как мы это отмечаем? Отмечаем ли вообще? Коллектив интересуется. Мы же можем позволить себе небольшой корпоратив? Хочется чего-нибудь нестандартного... Не просто пьянку. Надо подумать... Я хотела бы отвлечь на этот вопрос ваше внимание. Можем как-нибудь это обсудить?

– Даже не знаю. На этой неделе, да и возможно на следующей, я занят. Вы же знаете, что у нас жесткие сроки по новому проекту?

– Мы можем поговорить об этом в нерабочее время...

– Я не люблю заниматься работой в нерабочее время...

– Ну это как бы не совсем рабочий вопрос. Да и вообще, мне кажется, мы можем многое обсудить...

– Давайте не забегать вперед. В ближайшие дни мы ничего обсудить не сможем. До юбилея еще есть время, больше месяца. На той неделе посмотрим!

Инга улыбнулась и вышла из кабинета. Давид невольно посмотрел ей вслед. «Интересно, почему она до сих пор никого не подцепила в нашей мужской компании? А может у нее уже есть какой-нибудь гуманитарий? Мне-то что?»

Всю неделю Давид занимался только производственными вопросами. Он даже не виделся с Машей. Они иногда созванивались, Маша была погружена в размышления о новой работе, но Давид не мог дать ей совет. Это был чужой и чуждый для него глянецовый мир. Во время одного из созвонов Маша сказала:

– Дорогой, запиши телефон. Это историк, как ты просил. Алексей Колесников, говорят, довольно известный в узких кругах. И специализируется, как ты просил, на России начала девятнадцатого века. Мне сказали, что он большой спец по эпохе Павла.

– Маша, ты – супер! Спасибо! С меня Турандот или какой-нибудь Новиков. Но позже... Сильная запара.

– Окей! Ловлю на слове. Освобождайся поскорее, а то мне придется завести говорящее домашнее животное...

Глава 9

В субботу днем Давид снова приехал к Виктору.

– Ну, что, в какое время ты хочешь попасть?

– Наверное где-то минут за тридцать до того, как вышел оттуда. Тоже часа на три. Как раз до ночи. Попробую разобраться и познакомиться с местными. Кто и что...

– Окей.

Когда все было готово, Давид на секунду погрузился в темноту. Когда он снова увидел что-то, это была все та же зала с камином, а вокруг него толпились мужчины в париках. Тот, который стоял ближе всего к нему, со странными, очень светлыми рыбьими глазами, пристально глядя на него, произнес с ласковой улыбкой:

– Светлейший князь, вы зря не принимаете наше предложение вступить в Великую Ложу Севера. Там всегда рады братьям по духу.

– Ну что вы, сударь, я не отказываюсь. Я – за! Давайте обсудим... Я готов. Идеи ложи мне очень близки!

– Что ж, князь, предлагаю встретиться на днях и обсудим это дело. Например, двадцатого дня? Вы можете приехать к нам?

– Сударь, с превеликим удовольствием! Однако я сегодня нездоров, голова болит. Вас не затруднит напомнить адрес?

Рыбий глаз сверкнул веселым огоньком, мужик положил

руку в перстнях на плечо Давида-Зубова и произнес:

– Любезный князь, это известный вам особняк графа Старожинского. Приезжайте ко мне по обеду. Если будете в Петербурге...

– Простите, что вы имеете в виду?

– Ну как же... Вдруг вас увлекут в вояж...

– Нет, не планирую. Ну что ж, мы с вами условились.

Давид еще раз услышал возмущенные выступления собравшихся и речь Палена. Мужчины постоянно подливали себе шампанское и скоро общество было откровенно пьяным. «Да, бухают они покруче моих современников». Давид постарался придать своему чужому лицу значительность и серьезно произнес:

– Господа, я готов выступить впереди! Я жизнь положу за освобождение от тирании! И мои братья также!

Пьяная толпа окружила Давида, некоторые бросились к нему с объятиями и лобызаниями. Раздались крики: «Мы верим в вас!» «Убрать тирана с трона!» «Наследника на престол!» «Конституцию России!» «Вернем устои матушки-императрицы!» Через тела пьяных заговорщиков к Давиду протиснулся Пален и, взяв его за плечо, увлек в сторону. Хитрое лицо изображало благодушное, переходящее в искреннюю симпатию.

– Платон Александрович, светлейший, голубчик, я всегда в вас верил. Еще со времен матушки Екатерины, когда придворные льстецы так и вились в вашей приемной. Я и тогда

разглядел в вас характер. Нам всем повезло, что вы с ней были в последнее ее время. К сожалению, у великой императрицы оказался недостойный наследник. И весьма неудобный для нас... Много он дел наделал. Не разгрести! Сейчас именно Англия является главой цивилизованного мира. Оттуда руководят историей. То, что Павел в Мальтийский орден залез, да еще и магистра из себя изображает, еще не делает его избранным. Это всего лишь внешний круг... В глубину никто его не пустит. Там другие властители... Не был бы дураком, так лучше бы уж православия держался... Император папу спасает, а католический престол давно желает распространить свое влияние в нашей империи.... Великая Британия тоже устала терпеть этого самоуверенного хама на русском престоле... Британцы, все-таки, выделяют средства на проведение всей истории. Вы то уж свои деньги по большей части давно получили? Я понимаю, что ваша сестра имеет влияние на посла. Надо сказать, что российский переворот они поскромнее финансируют, чем французскую революцию... За голову Людовика было намного больше заплачено. Хотя неизвестно еще, кто для Британии важнее... Думаю, русская монархия – это принципиальный враг для тех, кто на самом деле владеет миром. Да, по финансовым вопросам я, собственно, и хотел бы с вами поговорить. Младшие чины тоже надо заинтересовывать. И не только посулами светлой жизни потом, но и деньгами прямо сейчас... Я так полагаю, что мы с вами из выделенных нам средств и

должны сообща это решить.

– Замечательно, граф. Я давно хотел это с вами обсудить. Расскажите мне, пожалуйста, ваше мнение о наших соратниках. Если можно, так сказать, краткую характеристику...

– Князь, да вы уж и сами давно должны были составить о них мнение. Ну, вот, например, в белом камзоле с орденской ленточкой, что сейчас обнимает Бунина, граф Васильев. Бретер, много пьет и много играет. Проигрывает, конечно. Весь в долгах. Половина его имений уже в закладе у ростовщиков. А сейчас император барщину сократил. Сами понимаете, не хорошо-с для всех, да и для господина Васильева тоже. Проблемы Европы, да и Российской империи, его никак не интересуют. Просто весь в долгах, а продвигнуться по службе на более доходное место не может. Лично я ему дал как бы в долг 5 000. Намекнув, что в случае его участия в заговоре не буду просить обратно. Под его командой 100 человек Семеновского полка. Так что представляет для нас несомненный интерес.

Пален с ироничной улыбкой начал рассказывать Давиду о собравшихся в зале. К счастью, заговорщики были уже в том состоянии, когда их интересовало только вино и пошлые шутки. Так что собеседники могли оставаться незамеченными.

– Граф, вы обещались на своем экипаже привезти меня домой.

– Да, безусловно, милостивый государь. Теперь уже наши

соратники заняты не делом. Было очень важно привезти вас сюда, чтобы господа удостоверились, что граф Зубов с братьями с нами. Как ваши братья, к слову?

– Замечательно, сударь. Готовы к действию. Я планирую в ближайших днях увидеться с обоими... А теперь буду вам благодарен, если вы завезете меня домой.

В карете Давид продолжал осторожно допытывать Палена, стараясь не вызвать подозрений. Он понял, что в заговоре действительно участвует огромное количество людей. И это не только идейные борцы с тиранией, но и большое число подкупленных графом Паленом и им самим, Зубовым, гвардейцев и дворян. Денежные потоки шли из Англии, причем, по словам Палена, и лично через Зубова, точнее, через его сестру Ольгу. Графиня Жеребцова долгое время состояла в интимной связи с бывшим английским послом. И заговор при ее активном участии сформировался давно, Ольга Жеребцова фактически и была казначеем всего мероприятия, а Палена можно было назвать мозгом и техническим директором. Давид так и не понял, зачем же все это было надо Палену? При его должностях он, мягко говоря, был богатым человеком, а риск участия в заговоре против императора – смертельный. Все высокопарные философствования этого уже немолодого человека никак не объясняли его фанатичную ненависть к Павлу и его преступную целеустремленность. Зачем? Нет, Давид ничего не понимал. Да и современная история так и не дала ответ на этот вопрос.

Экипаж подкатил к особняку Зубова, и Давид, радушно попрощавшись с собеседником, вышел из кареты. Поднялся по лестнице, лакей распахнул тяжелую дверь. Внутри стоял еще один лакей. При виде хозяина, он склонился в низком поклоне. Давид бросил на него хозяйский взгляд и поднялся по лестнице. Он плохо ориентировался в доме и поэтому просто повернул направо, не зная, куда попадет. Это оказалась темная комната, камин и свечи в ней не зажгли, и Давид начал наткаться на мебель. Вдруг откуда-то из темноты вынырнула человеческая фигура, приблизилась к нему вплотную, и глухой голос прошелестел прямо на ухо: «Что ты здесь делаешь? Убирайся отсюда!» Остолбневший Давид пытался что-нибудь разглядеть, но фигура уже растворилась в темноте. Он выскочил наощупь из комнаты в освещенный свечами холл, крикнул лакею:

– Ты видел кого-нибудь? Кто здесь был сейчас? Принеси свечи! Свечи!!!

На крик хозяина в доме началась суета. Откуда-то появилась толпа слуг, кто-то нес зажженные подсвечники. После другой челяди проявился и старый Кузьмич, без парика, с лоснящейся лысиной. Давид выхватил у одного из лакеев подсвечник и снова забежал в темную комнату, никого там не обнаружил и бросился на улицу. Холодный февральский ветер хлестнул по лицу, и Давид почувствовал, что парик пытается улететь с головы. Он придержал его рукой и начал метаться возле лестницы, надеясь кого-нибудь увидеть.

Действительно, справа от ворот он заметил какую-то черную тень и бросился за ней. Тень быстро удалялась вдоль ограды особняка и повернула за угол. К счастью, Зубов был молодым и сильным человеком, поэтому Давид перешел на бег. Добежав до угла ограды, он вдруг столкнулся с высокой фигурой, видимо это и был человек из гостиной. Незнакомец ударил Давида в лоб своей головой. В глазах помутнело. Инстинкт самосохранения сработал безошибочно, и Давид оттолкнул огромное тело в темноту и нанес наугад удар под дых. Раздалось злобное то ли шипение, то ли ругательство. В темноте блеснуло длинное лезвие, видимо, кинжал. Ориентируясь на блеск, Давид схватил мощную руку и начал ее закручивать. Противник явно старался нанести Давиду удар ножом. Короткая и жесткая борьба, Давид не чувствовал боли в руке от порезов лезвием. Наконец ему удалось вывернуть руку противника, но в это время тот попытался совершить сильный толчок, и лезвие ножа, в который впились две руки, вошло в тело незнакомца. Его рука резко ослабла. Раздался тягостный стон. Давид с силой провернул нож и резко рванул его на себя. Огромное тело рухнуло на землю. Давид стоял в темноте, обдуваемый холодным ветром, с кинжалом в руке, и не понимал, что делать. «Неужели еще не прошло три часа?» Он разжал руку и кинжал упал в темноту. Страшно болела голова. Парика уже не было. Теперь Давид почувствовал порезы на руке. Он медленно побрел к входу в особняк. В освещенном многими свечами фойе столпились ла-

кеи. Впереди стоял Кузьмич, сверкая лысиной. Он бросился к Давиду и запричитал:

– Ваша светлость, батюшка, что э-это? Кровь! Что ж это за басурманы? Давайте я водички принесу! Примочки!

– Давай все!

Кузьмич засеменил в глубину дома, Давид последовал за стариком. За ними еще два лакея. В топленой комнате горели свечи и камин. Давид сел в кресло. Кузьмич, причитая, принес тазик, кувшин с водой и тряпки. Начал обтирать руку Давида. Другой лакей принес на подносе какие-то баночки с мазями и графинчик с водкой.

– Батюшка, откушайте-с! Это ж надо такое горе! Кто ж посмел-то!

Давид глотнул из стакана водки. Приятное тепло разлилось по телу. И тут раздался женский крик, всхлипывания, и в комнату влетела Наташа. Она бросилась на колени перед Давидом и начала его ощупывать.

– Платоша, родненький, свет мой ясный! Что с вами? Вас хотели убить? Это дуэль? Господи, за что? Я могла вас потерять! Как жить без вас, сокол мой?

Она бережно ощупывала Давида, целовала колени, руки. Прижалась к нему всем телом, и Давид почувствовал на своем лице ее слезы. В комнате лакеев уже не было. Наташа обвила руками шею Давида. Через мгновение они оказались на кушетке... Волосы Наташи упали на его лицо. Шелковая ткань порвалась в его руках. Вселенная стремительно двига-

лась к своему воплощению. В глазах Давида потемнело, и он увидел звезды, которые зажигались и мгновенно гасли...

И тут появился свет. И другое лицо – Виктора.

– Ау, старик!

Давид увидел белую стену комнаты Виктора и не мог в это поверить. Перед его глазами все еще стояли картины из того мира: полумрак, свечи, Наташино лицо. Он все еще чувствовал ее запах.

– Слушай, меня только что чуть не убили. У тебя вискарь есть?

Виктор налил другу треть стакана.

– Ох, старик! Надо это прекращать! Все-таки это наука, а не криминальный детектив. Что я буду без тебя делать? Ты нужен здесь. Нет, мы это заканчиваем!

– Не, не волнуйся, все ок! Просто так как-то резко. Кстати, в итоге, кажется, убил я. Меня там, видимо, просчитали. Откуда взялся этот человек?

– Что за человек?

– Не знаю. Какой-то сумасшедший. Напал на меня с ножом. Хорошо, что Зубов – молодой и довольно выносливый. Я практически был как бы в своем теле... Мне не надо писать теперь заявление в милицию, что я убил неизвестное мне лицо в Петербурге, возле ограды особняка князя Зубова, в феврале 1801 года?

– Хорошо, что ты иронизируешь... Может, расскажешь подробнее? Я не хочу подвергать тебя опасности. Тем более,

в фиг знает где и когда!

– Все нормально. Я разберусь как-то... Но трудно быть богом... Мне кажется, что кто-то там уже знает, что я не оттуда... Кто это может быть? Еще кто-то может зайти в это время из будущего?

Давид вкратце рассказал Виктору о своих приключениях в прошлом. Конечно, эпизод с Наташей он опустил.

– Слушай, а вдруг этот мужик – тот самый, который раньше представлялся Павлу привидением Петра? Получается, я убил призрака?

– Ну, призрак-то он уже в любом случае... Бросай это дело. Еще не хватало стать жертвой трупов. Это наука, понимаешь?

– Стоп! Это приключение! Никакого сафари не надо. Кстати, я до сих пор не посмотрел твой алгоритм. Ношу его на флешке. Все нет времени. Надо, наконец, самому разобраться, как это работает. А если кто-то еще лазит по времени туда-сюда?

– Все может быть.... Хотя будет обидно... Я думал, что первым открыл невероятные возможности...

– Я попробую сам все выяснить. Может, войти в Палена? Я хочу проконсультироваться со специалистом. С историком. Хочу понять, как можно повлиять на ход событий. Спасти Павла. Меня, кстати, пригласили на заседание масонской ложи. Насколько я знаю, в то время там практически все были масонами... Я дворян имею в виду.... Может, схо-

дить на эту вечеринку? Кое-что узнаю... А потом можно и какую-нибудь научную работу по истории масонства написать. Шучу! Сейчас передохну и сходим?

– А ты еще не устал?

– Да нет! Драйв какой-то появился! Поехали!

Двадцатого февраля в два часа дня Давид открыл глаза в спальне Платона Зубова, на огромной кровати, застеленной шелковым постельным бельем. Справа и слева от тела Зубова он обнаружил двух пухлых девушек, которые еще мирно спали. На правой руке Зубова-Давида была черная повязка, напомнившая о нападении таинственного незнакомца. На столиках и на полу валялись остатки еды, пустые бутылки и бокалы... Правая девушка пошевелилась, открыла глаза и снова их закрыла. «А здесь, однако, была оргия! А где же Наташа?» Голый Давид через тело левой девицы вылез с кровати и громко позвал Кузьмича.

– Одежду, еду, воду!

Кузьмич принес и таз для умывания. Приведя тело Зубова в условный порядок Давид потребовал свою карету и назвал кучеру особняк графа Старожинского. Когда он проходил по длинному коридору, из одной двери он слышал женские всхлипывания. «Наташа?» – подумал Давид. «Ладно, это его проблемы!»

У парадного входа в особняк Старожинского стояли два лакея, у каждого в руках был горящий факел. «Торжественно, однако! Надеюсь, вечеринка не разочарует.» – подумал

Давид. Внутри его также встретил лакей с факелом, и когда Давид назвал себя, тот предложил следовать за ним. Путь к хозяину дома оказался на удивление длинным. Они пересекли несколько роскошных покоев и попали на лестничный пролет со многими разветвлениями. Ступени справа и слева тонули в темноте и, казалось, вели в немыслимую для такого дома высоту. Давид не успел разобраться в пространственных архитектурных метаморфозах. Стены у лестницы были увешены рыцарскими доспехами и многочисленным оружием. Поднявшись довольно высоко и пройдя несколько коридоров Давид с лакеем наконец попали в библиотеку, освещенную камином и несколькими подсвечниками. В комнате царил таинственный полумрак. Там его встретил хозяин, тот самый человек с мутными, очень светлыми, рыбьими глазами.

– Приветствую вас, светлейший князь! Рад, что вы исполнительны и держите слово! Очень вовремя! Сейчас как раз начинается торжественная церемония.

Давид поприветствовал хозяина и огляделся. В неверном свете камина и свечей Давид заметил огромный глобус, метра два в диаметре, со странным, соответствующим представлениям 18 века, расположением континентов. Перед камином стояли два огромных кресла и небольшой столик с шахматной доской. Это была уже начатая партия. Шахматы показались Давиду странными: изящные фигуры светились как бы изнутри необъяснимым внутренним светом – черным и

белым. Хозяин дома заметил удивленный взгляд гостя и с улыбкой сказал:

– Это подарок Великого Магистра, знак особого доверия. Да, необычная штука! Сам не понимаю, как они светятся, ведь там нет маленьких свечей. Загадка, сударь! Но Магистру положено владеть тайнами. А шахматы вообще – мистическая вещь ... Кстати, король здесь – самая слабая фигура. Не спроста? Люблю так, знаете ли, сам с собой поиграть, да заодно и подумать над судьбами мира... Присаживайтесь, любезнейший, здесь, у огонька!

И Старожинский жестом пригласил гостя к креслу. Давид утонул в мягких объятиях темного бархата.

– Знаете ли, Платон Александрович, давно хотел побеседовать с вами наедине... Вы – великий государственный деятель... Это без преувеличения, сударь! Вы много сделали для России на своем посту при матушке-императрице. Ваше участие в разделе Речи Посполитой, как вы убедили матушку принять это решение, свидетельствует о вашем незаурядном государственном уме! Неожиданно она нас оставила! Я понимаю ваше разочарование и даже обиду, ведь наверняка у вас было столько планов.... Столько еще могли бы вы сделать для России! А Павел Петрович вас отстранил, сослал, можно сказать, да и возможностей прежних у вас уже не будет! Так, все-таки, это личное? Мечь, так сказать?

– Что вы имеете в виду?

– Сударь, я имею в виду ваше горячее желание избавиться

империю от того, кого у нас принято называть тираном. Граф Пален по секрету поделился со мной мнением, что в силу вполне понятных причин вы являетесь естественным врагом Павла Петровича... Вы уж извольте, как-то обменялись с драгоценнейшим графом парой слов... Надеюсь, вы-то готовы к решительным действиям? Нам кажется, что одним отечением не обойтись... Нет человека – нет проблемы... Наши бравые заговорщики не готовы к цареубийству... А это единственно возможное разрешение такой ситуации... Суда над царем, как во Франции, в России не устроишь! Слишком сильна вера... Да и у Павла по правде много сторонников!

– Вы правы, некоторое разочарование во мне присутствует. Я еще не до конца исполнил свой долг перед империей. И мог бы еще долгие годы ей служить! Совершенно очевидно, что нынешний монарх запутался и делает все не во благо России!

– Да... Знала бы еще сама Россия, что для нее благо... – Улыбнулся Старожинский.

– Милостивый государь, а вы считаете, что я больше других подхожу на роль цареубийцы?

– Как вам сказать, умнейший граф Пален уж староват для физической борьбы. Да у него и миссия другая... А вы в силу молодости и естественной неприязни могли бы взять ответственность на себя... Да и братья ваши, надеюсь, нас не подведут...

– То есть, я достаточно греховен? В общепринятом смыс-

ле?

– Милейший князь, вы не грешны, вы – порочны. В грехах можно раскаяться. А с пороком рождаются, и искоренить его невозможно. Но для нашего дела это как раз хорошо! Наше время требует решительных людей... Вы же не претендуете на ангельские крылья? – сладко улыбнулся Старожинский.

– Сомнительный комплимент, сударь!

– Простите, милейший Платон Александрович, забыл вас попотчивать! Вот настоящее французское. Вчера просто доставили из Бургундии... Пятьдесят лет выдержки. Еще при Короле-Солнце заложено... Знал бы он, как с его правнуком хорошие французы поступят!

Хозяин достал откуда-то из темноты бутылку, вскрыл ее и разлил густой напиток по бокалам, стоявшим на каминной полке. «Если кому сказать, что пил вино, разлитое при Людовике Четырнадцатом, не поверят!» Время от времени Давид бросал взгляд на загадочную шахматную доску, но секрет светящихся фигур он так и не разгадал. Единственное, что он понял, – перед ним был дебют ван Круйса.

– Да, светлейший князь, не скрою, хотел разобраться до конца в вашей сути и узнать ваши намерения. Готовы ли вы к решительным действиям, а не к полумерам? Ведь когда наступят новые времена, после падения тирана, нам понадобятся умные люди, чтобы новую Россию обустроить... Возможно, ваши таланты и станут снова востребованы. А вам понадобится поддержка сильных и доброжелательных сил

для решения ваших вопросов. Да и для безопасности, простите, тоже!

– Сударь, что вы имеете в виду? Что может мне угрожать?

– Князь, прошу вас не истолковывать мои слова превратно... Просто в известном смысле мы все рискуем. И жизнь полна неожиданностей. А вы – фигура яркая. Много внимания к себе привлекаете! Да и завистники всегда найдутся! Поляки, к примеру, не могут простить вам вашу бурную деятельность при матушке-императрице... Участие в нашей Ложе даст вам защиту, откроет перед вами новые возможности. Полезные знакомства и связи. Можно сказать, во всех государствах и во всех элитах! Мы здесь все – соратники в деле переустройства мира!

– Милостивый государь, я с удовольствием принимаю ваше предложение, если ваши слова можно таким считать! Безусловно, и связи, и новые возможности, и даже личная безопасность мне нужны. И я готов служить интересам России и Ложки!

– Прекрасно, мой друг! Я могу вас так называть?

Давид улыбнулся.

– С такими соратниками мы построим новый порядок! Мене, мене, текел, фарес... – задумчиво произнес Старожинский.

– Что, простите?

– Ах, это просто пословица на древне-иудейском... Что-то вроде «Дому твоему подобает Святыня Господня в долго-

ту дней...» По-русски получается очень длинно...

Старожинский поцокивал языком, издавая неприятные звуки, и не переставал сладко улыбаться, как будто предвкушал нечто приятное.

– Милостивый государь, сейчас как раз началась инициация нового члена нашей Ложи. Не хотите ли взглянуть?

– А это возможно?

– Для нас с вами, Платон Александрович, нет ничего невозможного!

Весело сказал Старожинский и жестом предложил Давиду подняться и следовать за ним. Они подошли к одному из стенных книжных шкафов, заставленному древними фолиантами. Старожинский протянул куда-то руку, что-то нажал и перед ними появилось небольшое окошко. Из него открывался вид в освещенное факелами помещение, которое было расположено значительно ниже библиотеки. Давид оценил расстояние до его пола, выложенного черными и белыми плитами на манер шахматной доски, метров в шесть. То есть, внизу, был расположен зал с высокими-высокими стенами. В помещении по периметру расположилось довольно много людей, каждый из которых был прикрыт черным длинным плащом с капюшоном. В центре зала стоял гроб, в котором лежало обнаженное женское тело. С такой высоты было невозможно определить, живое это тело или нет. С дальнего конца зала в сопровождении нескольких человек в зал вошел обнаженный мужчина, стыдливо прикрывавший руками

причинное место. Он остановился в центре зала, возле неподвижного тела. От стоявших по периметру черных плащей отделился один силуэт и подошел к неофиту. Он развернул какой-то свиток и зычным голосом начал что-то зачитывать, обращаясь к голому человеку. В это время Давид услышал какой-то громкий шум и шелест. И тут он увидел непонятно откуда взявшуюся стаю черных птиц, видимо ворон, которая с гадким карканьем начала кружить по залу над собравшимися.

– Милостивый государь, а эта дама живая или это уже, простите, тело? – решился задать вопрос озадаченный Давид.

– Князь, а какая разница? Это всего лишь девка...

К большому облегчению Давид вдруг увидел лицо Виктора...

– Ты знаешь, я действительно был в масонской ложе... Какой-то странный спектакль... Но толком ничего рассказать не могу. Просто какое-то средневековье! Даже для начала девятнадцатого века довольно смешно!

– И у тебя уже есть план? Я про Павла...

– Я понимаю, что определенные люди жаждут его крови. И мне сделали предложение стать убийцей. Ну, то есть Зубову. Интересно, чем же он так им насолил? Почему нужно обязательно убивать?

– Ну, с королями, императорами и президентами это часто бывает. Взять хотя бы Людовика Шестнадцатого или

Кеннеди... А Альенде? Опасная работа... Всегда найдутся люди, которые будут тебя ненавидеть. Я недавно прочитал что-то из истории Смутного времени. Там тоже такая мясорубка была...

Глава 10

Будни сменяли друг друга. Однообразие устоявшейся жизни было нарушено этими странными путешествиями. Найдя время в плотном производственном графике Давид наконец решил позвонить историку, которого посоветовала Маша. На том конце телефона раздался веселый голос.

– Здравствуйте, Давид Анатольевич. Да, меня предупредили о вашем звонке. С удовольствием с вами встречу. Как вам удобно. В среду вечером? Отлично!

В машине по дороге домой из спортклуба Давид подумал, что, наверное, стоило бы набрать Машу. Они довольно давно не виделись. Но буря эмоций, которая захлестнула его в мире прошлого, не отпускала. И тут зазвонил телефон. К огромному удивлению Давида это была Инга.

– Давид Анатольевич, здравствуйте! Извините, что звоню в субботу...

– Я вас слушаю. Что-то случилось?

– Да, вы знаете, случилось. Мне нужна ваша помощь...

– Что с вами? Авария?

– Почти... Нет... Но мне очень надо с вами увидеться...

Срочно... Простите, пожалуйста, что в субботу...

Давид помолчал. «Только ее не хватало!»

– А вы где?

– Я в ресторанчике «Winil Wine Bar» на Зубовской. Вы не

могли бы ко мне подъехать? Извините меня... Но это очень-очень важно...

Раздраженный Давид зашел в ресторан и в дальнем углу нашел Ингу. У нее были заплаканные глаза, но яркая помада на губах была в полном порядке. Перед Ингой стоял бокал с красным вином. Напротив еще один, но пустой.

– Привет! Что случилось? От чего надо вас спасти?

– Пожалуйста, Давид Анатольевич, присядьте! Да, меня надо спасти. Мне плохо... Сегодня ночью я хотела покончить жизнь самоубийством...

Давид присел за столик.

– Это шутка? Что случилось?

– Скажите, пожалуйста, Давид... Можно так вас называть?

– Нельзя, – холодно ответил он.

– Простите, Давид Анатольевич... Мне кажется, вы думаете, что я не соответствую занимаемой должности... Я не умею руководить людьми... Вот у нас со сроками часто бывают проблемы. У моего отдела...

– Кажется, это простые рабочие вопросы, которые мы вполне можем урегулировать в офисе. Я пока не думал освобождать вас от занимаемой должности.

У Давида начали просыпаться какие-то подозрения насчет Инги... «Не хватало только бабских истерик. И вообще, причем здесь я?»

– Оооо... Тогда будет совсем ужасно! Дело в том, что это

еще и личное... Я хочу вам все рассказать.. Но я действительно у последней черты. Я не вынесу этого! Вы не могли бы наполнить свой бокал? А то я чувствую себя старой алкоголичкой!

– Я за рулем.

– Нет, пить не надо! Просто сделайте вид. Чтобы я не чувствовала себя одиноко.

– Вам не с кем выпить?

– Не с кем. И я чувствую себя опустившейся женщиной, когда пью одна...

Давид налил в пустой бокал пару капель и сделал глоток. Инга начала какой-то бессвязный рассказ о работе, о том, что ее никто не уважает. И даже не любит. Хотя ей уже тридцать лет... О какой-то своей несчастной любви. Все это сопровождалось всхлипываниями, сморканием и слезами. Странно, но помада на губах не портилась. И тут Давид зазвонил телефон. Он посмотрел на трубку. Это была Маша. Сейчас разговаривать с ней было явно неуместно... Он не ответил. Инга продолжала нести бессвязный бред. Давиду захотелось встать и уйти. Но не бросать же женщину в таком состоянии одну? Тем более, если она у тебя работает. Надо ее куда-то доставить.

– Извините, я на одну минутку... В туалет.

Он вышел в туалет и набрал Машу. На том конце связи раздался грустный голос:

– Привет, Солнышко! Не могу к тебе дозвониться... Се-

годня суббота. Что делаешь?

– Извини. Я тут на встрече по работе. Очень важно. Давай тебя чуть позже наберу. Ок?

Когда Давид вернулся за столик, Инга помолчала и снова начала жаловаться. Давид еще раз пригубил вино...

А дальше реальность размылась и затуманилась. По крайней мере, Давид ничего не понял и ничего не помнил. Он открыл глаза в своей постели. Рядом лежала обнаженная Инга. «Только этого не хватало. Секс с подчиненной! Кстати, а секс был? Какая, блин, разница! Она в моей квартире!» Инга как кукла быстро и резко открыла глаза. На ее губах появилась нежная улыбка.

– Доброе утро, дорогой! Теперь можно на «ты»?

Давид встал с кровати и нервно натянул халат. Молча вышел на кухню. Он не понимал, зачем варить кофе. Во рту был гадкий металлический привкус. В кухню вошла голая Инга. Давид решил на нее посмотреть. Все-таки надо же представлять, с каким телом рядом ты просыпаешься? Так, ничего.

– Инга, где моя машина?

– Не волнуйся... Ты же вчера вызвал эвакуатор. В гараже, наверное...

– Я на это не рассчитывал.

– На машину или на эвакуатор?

– Нет, не рассчитывал увидеть утром вас... тебя... здесь.

– Ну что ты! Практически ты меня спас! Это была такая ночь! Извини... Для меня...

– К счастью сегодня воскресенье. Голова болит.

– Да ты выпил совсем чуть-чуть...

– Но почему-то ничего не помню!

– Мы можем освежить впечатления!

Давид улыбнулся. «Что баб, что ли, мало? Почему с ней?»

– Нет, болит голова. Давай я вызову тебе такси? Это приключение было ни к чему.

– Как так? Мне надо сейчас заплакать?

– Только не это...

Инга подошла к Давиду и обвила его шею руками. Плотнo прижалась к нему обнаженным телом. Здоровый организм Давида отреагировал на это естественным образом, и они снова оказались в постели. Воскресенье было потеряно...

Глава 11

Началась рабочая неделя. Давид старался не нарушать привычный образ жизни: спортивный зал и офис. Времени на личные проблемы не было. В среду Давид, как и планировал, созвонился с историком Колесниковым. Вечером они встретились в маленькой тихой кофейне.

– Простите, Давид, а зачем программисту, да еще такому успешному, как вы, нужна история?

– Просто так. Это хобби. С недавнего времени. Вообще полезно расширять свой кругозор. Я слышал мнение, что история – мать всех наук. Хотя так можно сказать и про физику, математику или, например, философию... В конце концов, анализируя прошлое учишься лучше понимать настоящее.

– Да, вы правы! Если владеть истинными историческими фактами и уметь их осмысливать, то современные общественные явления становятся понятными. В конце концов, это просто интересно! Такие аналогии и связи обнаруживаешь!

– А что вы знаете об эпохе Павла?

– Вроде бы достаточно много. Екатерина и Павел – как раз моя тема. Ну там и Александра Первого немного захватываю. Это логично... То есть, сфера моих научных интересов... Я и книгу написал об этом периоде. Я понимаю, что

вы не можете быть с ней знакомы...

– Н-да. Сожалею...

– Вам, видимо, нужна коротенькая лекция об этом периоде? Популярная, так сказать...

Давид молча кивнул головой.

– Ну, в общем, все было там интересно и не так, как мы думаем... Екатерина в современной историографии, безусловно, авторитет и великая императрица, но совершила много ошибок. То есть, не для себя лично. С этим у нее все было в порядке. Говоря современным языком можно сказать, что она была отличным менеджером по персоналу. Умела разруливать ситуации. А вот для России в целом... На протяжении всего царствования у нее было довольно шаткое положение. Эта зыбкость существования на престоле и прямая зависимость даже не от самого дворянства, а от верхушки, от придворной аристократии, вынуждала Екатерину постоянно их ублажать, конечно, за счет крестьян. Бесконечные привилегии, деньги и крепостные в обмен на собственную жизнь и трон. Один Манифест о вольности чего стоит. По исторической логике на следующий день за ним должен был бы последовать манифест об отмене крепостного права. Но этого не случилось. Хотя в народе долго говорили о том, что дворяне этот манифест просто скрывают. И что Петра Третьего, который, якобы, его подписал, именно из-за него и убили. В результате освобожденное от всех обязанностей дворянство просто превратилось в паразитарный класс. И это со-

стояние паразитов нанесло вред не только государству и экономике, но и самому этому классу. Екатерина все время боялась заговоров и переворотов. Пугачев, например, ее страшно напугал. Это общее место... Которое все знают. Оценить ее царствование абсолютно позитивно для государства трудно... Кстати, Екатерина активно забирала земли монастырей и закрывала их. Больше, чем наш каратель Хрущев...

А Павел Петрович, наоборот, занял престол законно и ни от кого не зависел. По крайней мере он так думал. Думал, что как император обладает всей полнотой власти и свободой... Взял и издал Разжалованную грамоту дворянству, которая так всех возмутила. По правильной логике, и это доказали дальнейшие события, дворяне не убивать его должны были, а памятник ставить.

– Почему?

– Потому что он пытался отыграть ситуацию назад – вернуть дворянству общественный вес. Но русское дворянство цеплялось за свои сословные привилегии, за возможность жить безответственно. Желательно еще и на широкую ногу, по европейскому образцу... При Екатерине дворяне фактически пошли на сделку с монархией. Привилегии в обмен на почти полное устранение из общественной жизни. Ей это было выгодно. Эпоха Павла принципиально, по многим позициям, отличалась от эпохи правления его матери. Я бы даже не побоялся сказать, что в определенном смысле Павел, будучи императором, был борцом за социальную справедлив-

вость... Н-да... Русский Гамлет. Вы знаете, откуда это?

– Вроде его так называли во время путешествия в Европу...

– Ну, да! Когда Павел Петрович был в Вене в 1781 году. При австрийском дворе было решено устроить парадный спектакль в честь русского принца. Для постановки выбрали «Гамлета» Шекспира, однако в последний момент актер отказался играть главную роль: «Вы с ума сошли! В театре будет два Гамлета: один на сцене, другой – в императорской ложе!»... Что-то примерно такое он и сказал... Это прозвище утвердилось. Странно, правда?

Кстати, могу сейчас процитировать вам несколько описаний внешности Павла от его современников. Специально взял с собой распечатку... Павел не был коротышкой, как сейчас принято его описывать. В соответствии с современной реконструкцией его рост был средним для того времени, примерно 1 м 74 см. Итак, читаю:

Из «Путешествия в Петербург» аббата Жана Франсуа Жоржеля:

«Фигура у Павла I непредставительная, лицо его с приплюснутым носом неприятно, но его походка, его вид, выражение лица, взгляд внушают уважение и говорят о непреклонном характере; все трепещет под его скипетром как при его дворе, так и на обширном пространстве его империи.»

Из жизнеописания Павла I, составленного офицером русской армии Георгом Танненбергом:

«Природа не столько особу Павлову, как дух его наделила

лучшими своими дарами. Росту он был невысокого, но поступки его были приятны, сила и деятельность его сказывались во всех мужеских упражнениях, и он с самых юных лет до кончины строгим наблюдением домашних добродетелей, целомудрия и умеренности сохранил нерасстроенную крепость телесных сил своих.»

Согласитесь, это не похоже на традиционную трактовку его образа в наших учебниках...

Павлу, конечно, не повезло в историографии. Его фигура долго находилась под спудом негативных оценок. Этого императора представляли случайным гостем на русском престоле. После свержения было очень удобно объявить Павла сумасшедшим и оправдать этим его убийство. Заговорщики в этом случае выглядели как спасители России от безумства сумасшедшего монарха. В советский период эта версия тоже была удобна, потому что господствовала точка зрения, что самодержавие – это реакционный институт, который ни на что прогрессивное не способен. То, что происходило при правлении Павла, особенно в сфере социальной политики, выглядело противоречащим этому основному постулату. Поэтому историки старались всячески замалчивать позитивные стороны его эпохи. В большинстве учебников Павел Первый характеризовался как откровенный самодур. Его правление подается как совершенно бессистемное и алогичное. В силу конъюнктурных причин эта точка зрения очень долго господствовала. И все началось с самого

рождения. Даже здесь существует масса глупых легенд...

– Эти легенды я уже знаю. Если можно, расскажите о его деятельности как главы государства. За что его, все-таки, убили?

– Да-да, пожалуйста! Да вот, собственно, за все это... Я бы сказал, за прогрессивность. Это был единственный в своем роде в России дворцовый переворот, во время которого монарха сразу и убили... Нет, простите, было еще убийство царствовавшего так называемого ЛжеДмитрия. Хотя, кстати, некоторые историки сейчас полагают, что приставку «лже» можно убрать. Вполне вероятно, что это и был законный правитель, то есть сын Ивана Васильевича. Но это было задолго до Павла. Дмитрия тоже выбросили из истории. Это было тогда выгодно Романовым, которые практически узурпировали трон. Темная история! Да, но вернемся к Павлу.... Безусловно его убийство доказывает, какую ненависть к нему питали... Ни в коем случае нельзя забывать про иностранный, точнее, английский след в этой истории. Русские дворяне были лишь исполнителями. Кстати, Ключевский по поводу Павла сказал, казалось бы, странные слова: «его правление было патологией». Но только он не добавил или, скорее всего, сам не смог осмыслить, что Павел Петрович был патологией со знаком «плюс». Почти вся историческая наука в том виде, в котором она существует последние 250 лет, является продуктом эпохи Просвещения и секулярного сознания. Поэтому оценочные категории европейско-

го рационализма, которые одолели умами большинства русских и советских историков, далеки от понимания того, что значит жить «по-божески и благочестиво». Павел Петрович стремился жить именно так. Из всех сил он пытался реализовать идею сословного равенства. Но, восставив против себя сословие дворян, он не нашел опору в другом классе. Время было не то. В ком искать? Не в крестьянах ведь? Вы же знаете об увлечении Павла рыцарством? Поскольку по натуре он сам был бескомпромиссным и искренним человеком, то и вел он себя в соответствии с собственными принципами. В декабре 1800 года он опубликовал обращение ко всем европейским монархам решать все спорные вопросы на дуэли между самими монархами. Сторонники сумасшествия Павла считают этот его шаг одним из подтверждений его ненормальности. Ведь 19 век уж наступил! Я думаю, ему надоело вести кровопролитные войны и жертвовать миллионами человеческих жизней. К этому надо добавить его глубочайшую религиозность. В Михайловском замке сохранился протертый до дыр коленями Павла коврик, на котором он стоял во время молитв...

Надо сказать, что Павел при своем коротком царствовании, а царствовал он всего 4 года и 4 месяца, создал такую вертикаль власти, которая, в общем и целом, сохранялась на протяжении почти всего XIX века и, можно сказать, до 1917 года. Император во главе, далее генерал-прокурор, далее то, что уже при царствовании Александра, вскоре по-

сле убийства Павла I, было названо министерствами. О государственном строительстве он размышлял постоянно еще во время своего вынужденного бездействия при царствовании Екатерины. Он написал очень прогрессивный труд «О государстве...» Там длинное название... Павел искренне хотел сосредоточиться на внутрирусских проблемах, считая, что империя достигла своих естественных пределов... В отличие от Екатерины, которая постоянно вела внешние войны и в том числе ими разорила казну. Сразу после коронации Павел принял ряд постановлений, касающихся регулирования системы крепостного права. Вместе с самым главным актом, который он мечтал обнародовать, как только придет к власти. Это Акт о престолонаследии. Впервые в XVIII веке было официально зафиксировано, как должна передаваться власть от монарха к монарху. Петр I, как известно, не оставил подобного завещания. Этот Акт в своем духе был и мстью матери, убившей отца и узурпировавшей трон в обход законного наследника – Павла.

Так вот, наряду с этим Актом о престолонаследии был принят отдельный акт, касающийся системы крепостного права. В частности помещикам было запрещено принуждать крестьян работать в воскресные и праздничные дни. И было высказано пожелание, чтобы крестьяне работали на помещика не более трех дней в неделю. Так что нельзя сказать, кем был Павел на самом деле – крепостником или антикрепостником. Можно сказать, что он, как и всякий про-

священный человек XVIII века, совершенно не приветствовал систему личной зависимости крестьянина от помещика. Одним из указов, например, он запретил продавать крестьян без земли.

В Павле все было так перемешано... «Всякого жита по лопате», как сказал о нем один из его современников. С одной стороны, он был лютый западник, а с другой стороны – ярый, говоря по-современному, националист и русофил. И все это в нем было собрано без всякой системы. Между прочим, Павел был еще и трудоголиком. Он просыпался в четыре утра. Его рабочий день начинался в пять часов. Кстати, в 6 утра к Павлу уже приходил с докладом граф Пален. Тот самый Пален.... Н-да.... Павел Петрович относился к своей государственной деятельности как к службе каким-то идеалам. Именно после него у всей династии Романовых появился определенный аскетизм и скромность. В быту, в личной жизни. Романовы до Павла и Романовы после него – две большие разницы.

Историки любят цитировать знаменитые слова Павла: «Здесь есть только одна значительная персона. Это я. А все остальные значительны только тогда, когда я с ними разговариваю и только пока я с ними разговариваю». Ну что сказать? Я знаю одного успешного топ-менеджера, который часто говорит в своем офисе: «Решения здесь принимаю я!» И это не мешает ему быть очень эффективным и весьма демократичным руководителем. Просто человек берет на себя

ответственность и так выражает свою лидерскую позицию. Ничего особенного. Палачи и тираны, как правило, так не высказываются. Чувство порядка, дисциплина, жажда справедливости были руководящими побуждениями в деятельности этого императора. При Екатерине в сенате валялось больше 40 000 нерешенных дел... Никто и ничто не работало. Полный застой. А Павел заставил чиновников с пяти утра ходить на службу в учреждения. Представляете, ужас какой!

Павел Петрович начал реформирование разложившейся при Екатерине армии. Вы же помните, что гвардия в последние годы правления императрицы занималась чем угодно, но только не армейской службой? Заставил дворян действительно служить, а не имитировать службу. Вы знаете, что сидя в Гатчине, он заложил будущее русской артиллерии, с которой его сын, Александр, уже выиграл войну 12 года? Павел сильно усилил русскую армию. При Павле Петровиче рядовых начали лучше кормить. Выдали казенные шинели. Солдат впервые начали награждать медалями. Были, конечно, перегибы... Он очень любил и уважал Пруссию и ее императора, старался ему подражать в организации армии... Ну, это его личный выбор. Хотя Пруссия-то как раз и была естественным союзником нашей империи...

Павел справедливо увидел в Англии главного врага России. Врага, который и до него неоднократно вмешивался в наши внутренние дела, а в итоге убил и самого Павла. Он мыслил глобально, видя себя главой целой морской коали-

ции, которая могла бы бросить вызов британскому господству. То есть, страна, занимавшая почти весь «хартлэнд», сама практически являющаяся этим «хартлэндом», стала претендовать на лидерство еще и среди «стран моря». Это уже был перебор, с точки зрения глубинного правительства «стран моря», проще говоря, Англии...

– Получается, Англия очень давно была нашим главным противником?

– Ну, да. И сейчас тоже. Даже если это не сама Великобритания, а уже ее порождение – Соединенные Американские Штаты. Надеюсь, вы понимаете, кто был главным бенефициаром нашей так называемой «перестройки»? По какой-то непонятной глобальной планетарной логике англосаксы всегда присоединяются ко всему разрушительному. Заговор против императора Павла организовали, конечно, русские крупные помещики, поскольку основным импортером их зерна была Англия, а основным конкурентом – Франция. Отсюда неприятие союза Павла с Наполеоном. То, что английский просол при возможном провале заговора гарантировал им политическое убежище, было, конечно приятно, но не это определило их решение. Точно также и сейчас англосаксы охотно поддерживают всех наших разрушителей – от либероидов до ярко-красных деятелей.

– Ну, современная политика пока меня не очень интересует... – скромно сказал Давид.

– Да, начнемся в начало девятнадцатого века... Союзный

договор четырех держав – Пруссия, Дания, Швеция и Россия – был подписан в декабре 1800 года, а месяцем ранее британский флот занял Мальту, которую Павел считал своей. На этом острове император хотел создать средиземноморскую базу российского флота. В теории он имел на это полное право, как великий магистр Ордена Госпитальеров. После захвата Мальты император принял очень суровые ответные меры, наложив арест на все британские суда, находившиеся в российских портах. Это было равносильно объявлению войны. Так что после казни Людовика 16 убить Павла для англосаксов было делом принципа. Они давно имели опыт переворотов на континенте. Больше того, это является основой политики Англии на протяжении веков – срабатывать и ослаблять континентальные государства и выигрывать таким образом. Кстати, против Павла они применили ту же технологию, что и против Людовика: клевету, ПР, как сказали бы сейчас, подкуп элиты, агентов влияния. Не участвовали ли масоны в убийстве Павла? Разумеется, участвовали. Они не могли не участвовать, поскольку тогда 90% российского дворянства состояло в той или иной масонской ложе. В то время они уже пришли к официальной власти во Франции, в американских Штатах, да и во многих других странах тоже. Православный священник того времени писал: «Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы

с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно государственностью христианской». Степень разложения русской элиты того времени была огромной! А мы все думаем, что наше современное общество уникально в своей деградации... Павел стремился быть идеальным христианским монархом. Безусловно, в активную фазу ненависть к Павлу вошла именно тогда, когда он пошел на союз с Францией. Вот вам и английский след! Первоначальный план, скорее всего, состоял именно в низложении, а не в физическом устранении Павла. В пользу этой версии говорит тот факт, что в заговор было вовлечено несколько полков. Для убийства хватило бы и четырех человек, но заговорщики хотели взять числом. Идея Панина, видимо, заключалась в том, чтобы убедить императора отречься от престола в пользу старшего сына. Для этого нужно было наглядно продемонстрировать мощь заговора и число сторонников этого плана. Вот зачем потребовались ввести гвардейские и армейские полки в Михайловский замок. Что думал Пален, самый коварный и отвратительный из всех, сказать трудно. Он как раз активнее всех распространял слухи о безумии Павла, одновременно разжигая в нем его природный темперамент и провоцируя на необдуманные поступки. Пален, прячась за спинами других заговорщиков, скорее всего желал гибели императора. Вы же знаете, что его не было в замке во время убийства? Он с небольшим отрядом прятался в парке, ожидая финала драмы... А потом пошел к Александру... Вооб-

ще его побудительные мотивы невозможно понять. В отличие от прочих Пален был в прекрасных отношениях с императором, который считал его своей правой рукой. Денег мог намолотить сколько хочет. Мстить ему было не за кого. Да и возраст у него уже был солидный. Это просто необъяснимо с точки зрения обычной логики! Какая злая воля гнала этого человека? Пожалуйста, вот цитата о нем современника: «Добродушие, весёлость, беззаботность, прямота были только маской, под которой «чудный старик» скрывал в течение почти шестидесяти лет совершенно другого человека, показавшего себя только теперь. Лифляндцы в нём это отлично подметили. Они говорили, что их губернатор изучал ещё в школе пфиффикологию.»

– Да, судя по портретам у Палена было очень неприятное лицо... Я бы не стал иметь дело с таким человеком.

– Понимая, что русский престол – это фактически эшафот, Павел сам создал команду своих палачей... Я уверен, что слухи о его жалком трусливом поведении перед смертью – абсолютная ложь, как и многое другое. Прятался за ширмой, шторами, каминным экраном... Бред полный! Не сомневаюсь, что сами заговорщики, повязанные кровью, эту чушь и придумали. Не могли же они признаться, даже самим себе, что толпой убили одинокого беззащитного императора, который вел себя в последний час как христианин и мученик? К тому же в ночь убийства они все были сильно пьяны. Рассказы алкоголиков и убийц вошли в историю как

факт! Павел Петрович был рыцарем и мог встретить смерть только с достоинством... Да и какая у него была охрана? Практически никакой... Гвардейцы в замке, которые где-то там по одному стояли? Так у всех императоров во дворцах были гвардейцы. Если бы он так боялся смерти, то посадил бы роту прямо в своей спальне... Он знал со слов того же Палена о неминуемом заговоре... Тем более, что было много преданных ему военных. Хоть тот же гатчинский полк! Когда после убийства отца Александр вместе с Паленом вышел к гвардейцам, и им объявили, что это новый император, гвардейцы заплакали. В прямом смысле слова. Благородный и одинокий Павел Петрович. Кстати, уходя после ужина в свои покои в тот последний вечер, он сказал Кутузову: «Чему быть, того не миновать!» Где же здесь страх? Да он и всю свою жизнь прошел с достоинством... Бедный храбрый Павел! А вот Зубов-то! Это да! Все худшие человеческие пороки собрались в нем воедино. Трусость, патологическая жадность... Всегда очень боялся смерти... Но это неинтересно...

– Вы так говорите о Павле, как будто были с ним лично знакомы...

– Ну, в каком-то смысле, да. За время работы над книгой я с ним практически сдружился. – историк улыбнулся.

– Императоры не всегда бывают свободны в выборе фавориток. Часто их просто подсовывают заинтересованные люди. Вспомните Генриха VIII и Анну Болейн. И к чему это

привело в мировом масштабе?

– Да, это тоже очень печальная история с далеко идущими последствиями... Причем для всего мира. Конечно, это была тщательно подготовленная постановка. Павел, как и Генрих, тоже был весьма любвеобильным. Даже количество детей от законной супруги о многом говорит. Хотя у них, особенно в конце его жизни, часто были разногласия, и на почве женщин в том числе. Две дочери у Павла родились уже после его смерти. От простых прачек. Правда ни одна не выжила. Если же говорить об Анне Лопухиной, то ее тоже Павлу умело навязали. Не без того, конечно, что она произвела впечатление на императора. Но придворные интриганы давно хотели вбить клин между Павлом и императрицей, чтобы его ослабить. Надо сказать, что Лопухина довольно быстро наскучила Павлу... Но разрыв между ним и императрицей уже произошел. Да и сыновья это не одобряли. Последней любовницей была уже Анна Гагарина...

Глава 12

Давид просидел с историком пару часов. Одна мысль, несмотря на увлекательность встречи, не давала покоя: что с Машей? Она не звонила. Конечно, надо с ней увидеться. Или хотя бы набрать. Когда Давид вышел из кафе, было уже одиннадцать. Он плохо представлял себе, что может сказать Маше по телефону. Поэтому решил просто к ней поехать, полагаясь на импровизацию. Домофон долго не отвечал. Наконец раздался тихий голос: «Кто там?»

– Маш, привет! Это я! Открой!

Маша была в пижаме и как-то неважно выглядела. Давид подумал, что это из-за тусклого света в квартире.

– Я не ждала тебя....

– Никогда?

– Да нет... Я не мыслю категориями Вечности... Просто не ждала... Видимо, у тебя очередная напряженка... Будешь кофе или чай?

– Я соскучился по тебе! Как ты? Как твой гламур поживает? Какие новости с глянцевых фронтов? Давай чай, большую чашку!

– Ты знаешь, кажется, я зря перешла к Помукчинскому. По-моему, это все – глупая афера...

– Ну, я же говорил! Надо слушать старших! Ну, ничего! Ты молодая, и твоя блистательная карьера только началась!

Маша поставила на кухонный стол чай и достала какие-то печеньки.

– Я никогда не спрашивала, а почему тебя называли Давид?

– Это было решение отца. Ему почему-то нравилось это имя.

– Его давно нет?

– Да, он трагически погиб, когда мне было пять лет. Конечно, четко и определенно я его не помню. Осталось только ощущение большого, сильного и очень любящего человека. Мне кажется, я помню его глаза. Светло-серые, пристальные и умные. А может знаю их уже по его фото...

– Твоя мама снова вышла замуж?

– Угу...

– У нее еще есть дети?

– Да, у меня два младших брата...

– Ты не ревнуешь мать?

– Конечно, нет. Я думаю, она вышла замуж и ради меня тоже. Нельзя всю жизнь провести в скорби. А так у меня психически нормальная мама с разносторонними интересами. Моего отца она любит и сейчас. Иногда мне кажется, что любит все сильнее, но скрывает это... В общем, я с ней не часто вижу. Реже, чем мне хотелось бы...

– Давид по логике мифа должен сразиться с Голиафом....

– Все может быть... Возможно мой Голиаф уже где-то меня ждет...

– Извини! Я не хотела тебя огорчить...

– Да нет. Все нормально. Чего не приглашаешь в комнату? Там кто-то есть? – шутливо спросил Давид.

– Представь себе, что есть!

Давид зашел в комнату, которая тонула в полумраке. На Машинной кровати лежал включенный ноутбук. Рядом с ним уютно сидел маленький белый кролик. Он задумчиво посмотрел глазами-бусинками на Давида.

– Это что такое?

– Это мой новый друг. Познакомься! Его зовут Доди.

– Ничего себе! Мой тезка?

– Ну, да! Я редко вижу большого Доди, поэтому завела себе маленького. Зато он всегда ждет меня дома! И он ничем не занят. Есть только одна проблема: он не приглашает меня в ресторан!

– Это единственное, чего тебе не хватает?

– Ну, да!

– Я попробую компенсировать.... Давай в пятницу или субботу куда-нибудь ходим?

– Посмотрим. У меня сейчас много проблем...

– Маша, я очень скучаю.... Прости. Просто сейчас такой момент. И еще... Кроме работы... Виктор увлек меня одной своей разработкой. Я не могу сейчас рассказать. Это сложные технические моменты. Но в пятницу расскажу... Я немного участвую в этом его проекте. Я бы сказал, в качестве подопытного кролика.... – Давид улыбнулся, привлек Машу к себе и с искренним чувством поцеловал ее в шею. – Я ду-

маю, тебе будет интересно... Ну, посмотрим! Но, все-таки, я лучше кролика!

Давид уехал от Маши с каким-то неприятным осадком. Конечно, его не мучили угрызения совести, Давид знал достаточно много женщин, чтобы так легко брать на себя обязательства на всю жизнь. Да и секс он считал скорее приятным спортом, чем основой для нерушимых отношений. Просто ему показалось, что с Машей происходит что-то нехорошее. Но он не знал, как надо на это реагировать. В любом случае он твердо решил провести выходные с ней.

Глава 13

Нельзя сказать, чтобы Инга стала навязчивой. Но видеть ее в офисе Давиду было неприятно. Вроде в ее поведении особенных изменений не произошло. Однако она выглядела всегда нарочито безупречно, немного кокетливо и периодически бросала на Давида нежные взгляды. Что делать? Уволить ее только за то, что сам с ней переспал? Или твердо сказать, что продолжения не будет? А почему не будет? Какое-то влечение, все-таки, Давид к ней ощущал. В этом было что-то новое и даже темное. В постели она была не только раскрепощенной, но и готовой на любые эксперименты. При воспоминании о том воскресном дне на Давида накатывала горячая волна, которая рождалась где-то в паху и поднималась к горлу. Иногда даже было трудно дышать. В общем, он вел неравную борьбу со страстным желанием.

В пятницу вечером Давид снова приехал к Виктору.

– Вить, надо что-то менять. В роли прохвоста Зубова я историю не изменю. Там другие режиссеры. Давай попробуем войти в Палена. Этот хотя бы реально на что-то влияет.

– Да, но ты же ничего не знаешь. Что и кому говорить? Какие приказы раздавать?

– Главное, как выбрать день и час. А то вдруг я попаду в такой момент, когда он уедет на какой-нибудь хутор!

– Выбирай. Наугад. А вдруг повезет.

– Окей. Давай не будем медлить. Например, 24-е февраля. Все ближе к той ночи... Наверное, уже идет полным ходом подготовка... Вечер, что ли? Они там активничают по вечерам... Ну, 19 часов. Давай на два часа. А то я боюсь ответственности в роли этого супер-чиновника.

Давид сначала услышал музыку и гул человеческих голосов. Унылый интерьер холостяцкой берлоги Виктора внезапно сменился величественным зрелищем залы, или, скорее, длинной галереи, освещенный тысячами свечей. Множество мужчин и женщин в роскошных одеяниях начала 19 века, расположились в парадном зале небольшими группами. На лицах большинства были искренние улыбки, иногда раздавался веселый смех. Глядя на изящные формы дам и на их своеобразные костюмы, сверкавшие золотом, серебром и драгоценными камнями, Давид пришел к выводу, что никогда не видел более блестящего общества. Огромное пространство тонуло в запахах парфюма, звуках музыки и мерцающем свете. По залу сновали лакеи в золоченых ливреях с подносами, на которых стояли хрустальные бокалы с шампанским. Вдруг Давид ощутил резкую боль в левом колене. «Да, а тело-то Палена старовато! Кажется, у бедняги подагра. В таком скафандре не побегаешь!» Возле Давида-Палена стояло несколько мужчин. Некоторые лица были Давиду уже знакомы по встрече заговорщиков. Один из собеседников как раз заканчивал рассказывать какой-то, видимо, не очень приличный анекдот про Марию Ивановну. В анекдоте дело

закончилось тем, что разочарованный гусар выскочил из окна. Мужчины громко хором засмеялись. Давид, не понявший смысла, тоже широко улыбнулся. Оркестр заиграл громче. В огромной зале публика начала танцевать полонез. Давид засмотрелся на экзотические пары танцующих и здесь заметил, что к нему через толпу продвигается высокий стройный мужчина с очень знакомым лицом. Давид вздрогнул – это же Платон Зубов!

– Здравствуйте, господа! Очень рад видеть такое блестящее общество! Граф, у меня к вам есть несколько слов... Прежде всего примите мою искреннюю благодарность за ваше ходатайство перед тираном. Я теперь хоть бывать при дворе могу. Уже великое дело! Что за нелепость устраивать бал в этом недостроенном замке? Тут даже не все покои отделаны!

– С удовольствием, князь, выслушаю вас!

Давид заметил на правой руке Зубова черную повязку.

– Милостивый государь, у вас ранение?

– Чепуха! Небольшая дуэль...

Давид-Пален и Зубов отделились от компании.

– Я вас внимательно слушаю, князь! – Произнес Давид.

– Сударь, что-то странное происходит вокруг меня... Мои домочадцы рассказывают мне удивительные вещи. Какие-то неизвестные люди проникают в мой дом. Кто-то даже напал на меня. Но самое странное то, что я не помню некоторые обстоятельства! Я сразу подумал про вас. Вы же мастер на

всякие загадки! Может, знаете отгадку? Я бы не хотел получить послание с того света от графа Де Рибаса... – Зубов нехорошо улыбнулся.

– Милостивый государь, я не понимаю ваших намеков. Насколько я знаю, память пропадает от обильного употребления горячительных напитков. Будьте с ними осторожнее... Вы нужны отечеству!

– Ваша ирония мне хорошо знакома! Есть и другие дела, более прозаические. Мой брат Валериан написал мне намерении, что у него есть к вам финансовые вопросы... С тех пор, как в Петербурге уж нет английского посла, друга моего семейства, основной поток средств идет через вас.... Не пора ли решить наши маленькие дела? Нужны средства на гвардию.... Мы же готовим тот самый день! Триста человек не так просто заинтересовать! Расходы велики. И мы начинаем испытывать трудности с решением этого дела...

– Ну, это уладить несложно...

Тут Давид почувствовал острую боль в правой ноге. «Как противно быть стариком. Ха, надо учесть этот факт в своей настоящей жизни...»

– Платон Александрович, мы с вами соратники! Так что для волнения у вас нет оснований. И я не жадный человек...

По праздничной толпе пролетел легкий шелест и все взоры устремились к высоким, пока закрытым, дверям. Лишь только они распахнулись, слово «Государь!» пробежало по всему собранию и заставило всех инстинктивно вытянуться

в струнку.

– Сударь, смотрите-ка, кажется к нам направляется его императорское величество! Чтоб ему!

Давид посмотрел в сторону центра зала и действительно увидел, что толпа расступилась, освобождая проход для небольшой свиты. Во главе ее величественно шел мужчина среднего роста, в котором Давид сразу же узнал Павла. На нем был синевато-зеленый мундир с простым красным воротником и такими же обшлагами, без лацканов, без золотых пуговиц и аксельбантов, и белые панталоны в высоких ботфортах. Голова густо напудрена, но коса не очень длинна. В прорези мундира вдет шпага. Одежда императора не имела шитья, но левая сторона груди была украшена двумя звездами. Несмотря на странное впечатление, производимое внешностью Павла, взгляд императора показался Давиду умным и добрым.

Его держала под руку высокая грузная дама с царской диадемой на голове. За ними шествовали несколько мужчин и женщин с выражением высшей степени значительности на лицах. В свите императора Давид увидел и Панина, хозяина дома, в котором собирались заговорщики. «Бедный, бедный Павел! В каком осинном гнезде он живет! Может, перетащить его с собой в будущее? Сделать программистом?» Российский император улыбался и смотрел прямо на Давида. «Что делать? Ага, надо приветствовать как самодержца ...» Давид как мог склонился в глубоком поклоне. Зубов склонился еще

ниже и попытался отступить в поклоне подальше...

– Приветствую вас, мой друг! Уж немного вокруг меня людей, которых я могу причислить к друзьям!

– Ваше величество, вы же знаете мою глубочайшую преданность и любовь к своему императору...

– Да, граф, да! Я высоко ценю вас и ваши таланты... Вот у нас тут дискуссия вышла с любезным графом Паниным. Он подвергает критическому сомнению индийский поход и нашу позицию относительно политики с Англией. Мы с вами уж обсуждали это неоднократно. Но вижу, что единства меж моими друзьями нет... Да вот хоть и Платона Александровича спросим, чей державный ум уж давно могли оценить!

– С вашим императорским величеством никто не может сравниться в прозорливости. Особенно в вопросах внешней политики! Я безмерно счастлив, что вновь могу присутствовать при дворе и могу быть полезен вашему императорскому величеству! – подобострастно ответил Зубов.

Давид подумал: «Они такие важные... Так высоко себя несут... Смешно. Их ведь уже не существует. Для нас они – ненастоящие... А теперь значительными можем быть только мы... А на самом деле мы так же смешны и нас также не существует, просто мы этого не понимаем!»

– Да, князь, знаю! Кто старое помянет, тому глаз вон! Слава Богу в нашей империи сильно самодержавие, и император сам принимает решения! Однако и с умными людьми не грех посоветоваться. Так что, милостивый государь, вы, все-таки,

не разделяете мою позицию? – Павел повернулся к Панину.

– Ваше императорское величество, надо учитывать все факторы. Англия – великая держава. И не стоило бы Российской империи вступать с ней в конфликт интересов. Лучше бы сосредоточиться на борьбе с французским узурпатором...

– Вы, все ж таки, дурак, граф!

Панин помрачнел и потупил взгляд. Из свиты раздался голос:

– Ваше императорское величество, заранее прошу нижайшее прощения, – заговорил немолодой мужчина с сильным нерусским акцентом, – граф Панин – такая значительная особа, что его мнение...

Император резко перебил говорившего:

– Милостивый государь, вы – человек не русский, так что не совсем хорошо знаете наш уклад. В России есть только одна значительная особа. И это – я! Все остальные значительны только тогда, когда я с ними разговариваю. И только пока я с ними разговариваю!

Давид снова вздрогнул. Он не рассчитывал услышать эти слова из уст самого Павла Петровича. Император посмотрел на Давида.

– Граф, хоть мы и видимся ежедневно, я не перестаю в вас нуждаться! Не люблю я эти балы... Пойдемте-ка в мой кабинет и поговорим по существу.

Царица отпустила руку Павла, и Давид двинулся за ним

из бальной залы в коридор. Скоро они вошли в небольшой, по представлениям Давида, кабинет с камином. Внушительный стол был весь завален бумагами и картами. Павел начал нервно ходить возле камина. Давид снова почувствовал ноющую боль в колене. «Надеюсь, что мне это терпеть недолго!»

– Милостивый государь, вы также считаете мое решение по Англии неверным? Ведь по сути мы объявили войну!

– Государь, да нет же! К большому моему сожалению, Англия всегда разжигала конфликты на континенте. Да и во Франции свержение монаршего дома – исключительно английских рук дело!

– Вы думаете?

– Да, государь! Просто мы сейчас еще не располагаем всей полнотой знаний. Но пройдет время, и это станет очевидным фактом! По моим сведениям в английском парламенте даже уже называлась сумма денег, потраченных на это преступление. Кажется, больше пяти миллионов фунтов! История докажет вашу правоту. Более того, в наши, российские, дела Англия бесцеремонно вмешивается уж несколько столетий! Давайте подумаем хотя бы о судьбе Ивана Васильевича Рюриковича, предшественника дома ваших предков. Тоже, ведь, английский след... В смерти и царя, и его наследников надо искать заговор и убийство...

Павел остановился и внимательно посмотрел на Давида.

– В нашем обществе принято считать Англию просвещенной и великой державой. Вы же знаете, наши умники де-

лятся на англоманов и франкоманов. Положение Англии в Европе дает ей определенную неуязвимость... Я тоже думаю, что Англия представляет для нас не меньшую угрозу, чем последствия французской революции. После разгрома Австрии она лишилась последнего союзника... Но амбиции свои не умерила. Захват Мальты – последняя капля в чаше нашего терпения! Этот остров находится под моей личной опекой как главы Ордена. Они презрели все правила и законы. Тут или мы – их или они – нас. Это война истинной монархии с коронованной революцией. Что нынешняя английская монархия представляет собой? Там правят совсем другие люди... У них не христианские идеалы... И они хотят навязать их всему миру. Мой прадед столько сделал для того, чтобы наша империя влилась в европейский мир, но из этого ничего хорошего не выходит... Да и почему их надо считать европейской цивилизацией? Мы им европейскость не отдадим! И особенно христианство! Наше православие им как кость в горле. Западу от России надо только одно – чтобы нас не было. Я вижу выход только в войне. Хоть и не должно жизнями православных легко распоряжаться... России войны не нужны. Я предложил европейским монархам, вы помните, решать все споры на честной дуэли. Но нет рыцарей в Европе. Разве что Бонапарт... Как ни странно... Индия невероятно обогатила английскую корону. Ей и потеря американских владений не так страшна! У нашей империи совсем другая миссия. Слава Богу, мои предки позаботились. Бескрайние

просторы! Но это ж все и объединить надо! Просветить. И умиротворить. Я иногда, граф, смотрю на карту нашей ма-тушки-России и ужасаюсь! Эдакая земля! Сколько верст-то надо скакать по лесам и степям, чтобы передать кому-нибудь царский указ. Вот от этого и наши решения исполняются медленно и не так, как хотелось бы. А сколько непросвещенных народов под нашей короной? Географическое положение становится судьбой государства. Раньше я от вас таких резких суждений в сторону Англии не слышал! Откуда такая перемена?

Павел Петрович снова уверенно, но не высокомерно, посмотрел на Палена-Давида.

– Ваше величество, думающий человек никогда не перестает думать. И никогда не поздно отказаться от своих заблуждений. То есть, нет, бывает поздно! Это раскаяться не поздно никогда, пока жив. Так говорят священники. Лучше вовремя увидеть свои ошибки. Англия России – не друг. Да и никому на континенте... А быть российским государем – это сродни воинскому подвигу.

– Я рад, что вы так переменили свое мнение. Значит, мы сможем с вами обсудить и перспективы индийского похода. Надо вырвать у Англии этот козырь. С Бонапартом мы можем найти общность интересов в этом деле. Я не симпатизирую ему... Выскочка. Да и не совсем ясно, кто за ним стоит на самом деле... Вы помните, я ему настоятельно советовал узаконить свое положение – основать новую династию...

Единственный путь к спокойствию в его стране. Да и во всем мире тоже! Все так связано... Россия, к нашей печали, не может жить, занимаясь только собою. Тем более, что мы – оплот христианства. Это тяжелая миссия... А жизнь во Христе не всегда возможна для монархов... Война. Но разве подобает императору, если его бьют по щеке, подставлять другую? Как же он сможет управлять империей, если он допустит над собой бесчестье?

– Нет, государь! Императору терпеть бесчестье не должно!

– Как я хочу навести порядок в России. Мир везде... Чтобы каждый, от монарха до последнего крестьянина, выполнял свой долг и жил с мыслью о Боге. Чтобы землепашцы возделывали землю, солдаты хранили наши рубежи, чиновники служили обществу. Ну и первым слугой, конечно, должен быть монарх. Все равно – мои подданные, и всем я равно – государь! Но разложение общества велико... Служить никто не хочет. Думать об общественном благе тоже мало кто хочет. Вот мы с вами и должны сдвинуть всю эту махину с места. Чтоб все закрутилось и завертелось, как винтики в часах! Уйду я, а отлаженный механизм останется. Я желаю построить империю великого порядка. Надо создать такую систему государственного управления, чтобы воровать или бездельничать было невыгодно, да и опасно. Просвещать людей надо... Ибо народ, не осознавший причин своих прошлых бедствий, не избежит их в будущем. На совесть-то че-

ловеческую сильно не понадеешься! Мало вокруг меня друзей, на которых можно опереться. И совет держать не с кем. Вот вы – один из немногих.

– Да, государь, вам действительно не на кого опереться! Это вечная участь монархов – одиночество на троне. Да и на меня нельзя!

– Сударь, что за бессмыслицу вы говорите?

– Ваше императорское величество имеет слишком много недоброжелателей или, прямо скажем, врагов.

– Я устал всех подозревать и во всем видеть заговоры. Почему нельзя просто жить и спокойно работать для блага империи?

– Ваше величество, чем ярче свет, тем темнее рядом тень. Это как солнечный день. Когда на улице пасмурно, то и теней не видно. А как выходит солнце истины, так сразу рядом со всеми предметами, освещенными этим солнцем, образуются черные тени... Так и ваше величество. Как солнце, осветившее российскую жизнь. И тени черные рядом...

На некрасивом лице Павла появилась легкая улыбка.

– Никогда не замечал, граф, в вас романтизма!

– Ваше величество действительно имеет много врагов. И новый заговор есть. Прямо сейчас. И управляют этим заговором снова из Англии. Она же и деньги дает... Дворяне и верхушка армии сильно недовольны политикой вашего величества... И уже договорились между собой!

– То есть, вы говорите, что сейчас снова есть заговор про-

тив меня?

– Да, ваше величество! Может быть, самый опасный из всех... И я его возглавляю!

Павел выпрямился и посмотрел Давиду прямо в глаза.

– Милостивый государь, это что – признание в государственной измене?

– Государь, можно сказать, что, да! На самом деле я возглавил этот неизбежный заговор против вашей монаршей особы, чтобы разоблачить сеть предателей и изменников. Их много. Очень много! Человек триста! И все это – заклятые враги ваши лично и русской империи в целом! И с этим надо что-то делать! Наверное, мне надо предоставить вашему величеству список, чтобы провести аресты... Среди заговорщиков есть весьма уважаемые персоны.... Граф Панин, например. Все семейство Зубовых....

– Я так и знал. Наследство моей глубоко чтимой матушки! Как же без них? Мы же – родственники практически... – нехорошо улыбнулся Павел. – А сыновья? Александр? Константин?

– Не знаю пока, ваше величество! Но они не применут воспользоваться этим! Александр сделает то, чего от него ждут заговорщики. А Константин уедет в Польшу. И долго-долго в истории России вы будете оклеветанным монархом!

– Вы так говорите... Как гадалка или юродивый... Вы знаете будущее?

– Нет, ваше величество... Просто размышляю... Но так будет, если вы срочно не предпримете решительных действий! Это надо прекратить! В ваших руках судьба монархии. А может быть, всего мира! Я здесь, перед вами, для того, чтобы сказать вам об этом...

– И что надо делать, по-вашему?

– Ваше величество, я прошу отставку! Я не могу выполнять возложенные вашим величеством на меня обязанности. Я хочу уехать в имение. Но перед этим я обязан предоставить вашему величеству список заговорщиков. Их всех необходимо срочно арестовать, не стесняясь в средствах... И предать суду. Жестоко... Чтобы другим было неповадно... Государь, отнеситесь со всей серьезностью к моим словам! Иначе Россия может пережить те же ужасы, что и Франция!

– Право, не узнаю вас, граф...

– Да и не надо, ваше величество, меня узнавать! Давайте я вам список подготовлю и обосную. Надо срочно что-то решать! У вас уже мало времени... Меньше месяца... Надо спасти Россию! И не перекладывайте ответственность на ваших потомков. Это – ваше дело, государь!

– Думал при матушке: вот, приду, обустрою Россию. А вижу, что это никому и не нужно...

– Нужно, ваше императорское величество! Нужно вашему народу, коего миллионы! Чтобы меньше работали, чтобы больше ели... Все же просто... Это просто люди... А вы – их отец! А дети разными бывают... Иногда и разочаровыва-

ют....

– Так вы, граф, готовы представить мне список заговорщиков? Семью, видимо, придется посадить под арест... Пусть подумают! Или взять с них клятву?

– Не знаю, государь! Может быть! Но главное другое: надо уничтожить заговор. И предать громкому суду всех-всех заговорщиков!

– Чего же заговорщики хотят? Вернуть им праздность и возможность грабить народ? Конституцию, чтобы обездвигать монарха? Отречения? Просто умертвить меня? Или низложат, как папеньку, а потом в тюрьме... Я встречу свою участь с открытым лицом... Мы все умираем только раз и это неизбежно. Россию жаль. Времени у меня мало, чтобы все устроить. Сколько?.. Александр еще не готов... Мне не нравится влияние, которое оказывают на него некоторые особы... Да и императорская власть должна переходить естественным способом, от отца к сыну, без крови... Так что, граф, давайте попробуем сопротивляться! Замок, слава Богу, достроен...

– Не спасет ваше величество этот замок! И охрана не поможет... В заговоре много гвардейцев! Мне нужно некоторое время, чтобы собрать всех лиц, чтобы не упустить кого-то...

– Завтра утром вы у меня с докладом по ежедневному обычаю?

– Да, государь!

– Что ж, граф, пойдёмте веселиться! Сделаем вид, что у нас в империи все спокойно!

Давид с императором вернулись в бальную залу. Свита ожидала государя на прежнем месте. Мария Федоровна беседовала с наследником и его супругой. Павел предложил императрице руку, и они направились к центру залы. Панина не было видно. На расстоянии от царственной семьи Давид увидел Зубова, весело беседовавшего с двумя дамами, молоденькой блондинкой и женщиной средних лет.

Давид подошел к Зубову, поклонился дамам и положил руку ему на плечо. Женщина средних лет при виде Палена-Давида расплылась в счастливой улыбке.

– Ах, милый граф! Давно уж вас не видела! Петр Алексеевич, ваша супруга тоже здесь?

– Точно не уверен. У нее свои обязанности. Прошу прощения, дамы! Хочу отнять у вас ненадолго светлейшего князя!

Зубов через плечо посмотрел на Палена-Давида, и улыбка сошла с его лица.

– Милостивый государь, я в вашем распоряжении! Графиня, я к вам незамедлительно вернусь после беседы с многоуважаемым графом!

Давид и Зубов отошли к окну, обрамленному золотыми парчевыми занавесями.

– Князь, предлагаю встретиться завтра вечером у вас дома. Решим все финансовые вопросы. Да, есть еще неболь-

шое дельце! Нам надо обсудить кандидатуры всех наших сторонников. Подвести, так сказать, баланс. Кто на что способен. Кому что можно поручить. Заодно подведем итоги, кто сколько уж получил и перед кем есть обязательства... Откладывать нельзя! Мало ли что император задумает. Он подозрителен не в меру. Я его заверяю в преданности окружения. Но он, кажется, уж и мне не доверяет! Давайте встретимся наедине, без лишних глаз и ушей....

– С удовольствием, граф. Это то, что я от вас и жду! Итак, у меня завтра в семь пополудни?

– Именно так, милостивый государь! А теперь давайте веселиться... По крайней мере вы. Мне-то уж не по возрасту!

Глава 14

Давид расстался с Зубовым и решил обойти бальную залу по периметру. «Не каждый день бываешь на императорском празднике!» Многочисленные пары кружились в вальсе. Давид отметил несколько весьма привлекательных женщин. Он вспомнил бал из фильма «Война и мир». «Где же Наташа Ростова? Ах, да, ее первый бал был уже при Александре... Видимо, она еще ребенок...» И тут же подумал о Наташе в доме Зубова. «Он-то ее сюда не привезет! Может, в Платошу вернуться? Девушка замечательная... Даже неважно, сколько ей лет...» Многие мужчины и женщины с улыбками раскланивались с ним. Давид одел на свое чужое лицо маску озабоченности и суровости, чтобы исключить у окружающих желание с ним поболтать. Бальная зала соседствовала с другими такими же большими залами. Везде гулял сквозняк. «Как они не мрут здесь пачками от пневмонии?» – подумал Давид, оглядывая обнаженные плечи дам. И тут кто-то легко его коснулся.

Давид оглянулся и увидел графа Старожиновского. Он как-то нехорошо улыбался.

– Здравствуйте, милостивый Петр Алексеевич! Вы все в трудах и заботах? Никак не утомитесь?

– Простите... Вы о чем?

– Да о вашей бурной деятельности. Может, стоит остано-

виться?

– Простите, сударь, вы имеете в виду мою государственную службу?

– Можно и так сказать... Не много ли на себя взяли? Ноша может оказаться не по вашим плечам!

И тут он увидел белые стены холостяцкой обители Виктора.

– Ну как ты, старик?

– Витя, я только что разговаривал с умнейшим человеком! Ради него стоило бы вернуться туда снова! Я Павла имею в виду...

– И что ты узнал в этот раз?

– Да все то же! Заговор. Осиное гнездо. Бедный, бедный Павел! Но у меня появился реальный план. Главное, составить полный список заговорщиков. То, что здесь узнаю из истории, надо выучить на память. Там узнаю еще имена. Все это сдать Павлу. Да, еще важно проследить за ним, чтобы он действительно чистку начал. И по своему добродушию кого-нибудь с дуру не помиловал!

– Ты просто какой-то исторический каратель... – улыбнулся Виктор.

– А что делать? Надо спасти Россию, да и бедного Павла тоже. Да, но мы с тобой совсем не думаем об эффекте бабочки.... Если мы повернем историю вспять, то в какой России мы с тобой сейчас окажемся? Но там, все-таки, есть какая-то мистика. Понимаешь, когда я там нахожусь, вокруг

меня появляются какие-то странные персонажи... И как будто они знают, кто я... Помнишь, в прошлый раз был какой-то маньяк с ножом? Сейчас, как раз перед выходом, появился некий Старожинский, вроде масон, я у него в гостях уже был... Очень странный тип! Убить Павла больше всех хотят как раз он и Пален... Завел со мной, точнее с Паленом, странный разговор. Как будто хотел выяснить отношения, что ли... И, я бы сказал, как-то по-современному со мной говорил. Я все больше думаю, что там еще кто-то лазит. Но, наверное, покруче нас...

– Слушай, брось это!

– А зачем тогда ты все это придумал? Как этим пользоваться собираешься?

– Не знаю. Это просто наука, а не переворачивание мира с ног на голову.

– А людей тебе жалко? Того же Павла? Других, которые могли бы жить счастливее, если бы не все эти гнусные махинации? А ты в курсе, что россиян к 2000 году могло бы быть 600 миллионов, если бы не все драмы нашей истории? Эта планируемая цифра, кстати, из доклада премьер-министра царю Александру 3. Где все эти убитые и нерожденные? Если кто-то позволяет себе конструировать историю по своему ублюдочному плану, почему мы не можем сделать что-то позитивное? Короче, я туда возвращаюсь!

– Сейчас?

– Нет. Мне надо время обдумать все. Ну и пособирать

инфу! Кстати, как-то эмоционально это непросто. Бывать там... Не то, чтобы страшно, но мягко говоря, некомфортно...

– Ты знаешь, кажется, у меня проявился прогресс! Я почти знаю, как отправить куда-нибудь физические частицы. Пока это теория. Я не до конца все додумал... Но, по крайней мере, вижу просвет в теории...

Глава 15

Давид уехал от Виктора с полной решимостью вмешаться в заговор против Павла. Из машины он набрал Машу.

– Маша, привет!

– Привет, дорогой!

– Как дела? Мы с тобой планировали красивые выходные... Что скажешь?

– Доди, все отменяется... Выходные отменяются... Но у меня есть к тебе просьба!

– Не понимаю... Почему отменяется? Ну давай начнем с просьбы...

– Ты можешь на пару дней забрать к себе Доди? Я имею в виду маленького, кролика...

– Зачем? Ты куда-то уезжаешь?

– Я ложусь в больницу...

Давид резко затормозил. Сзади водитель еле-еле успел сманеврировать. Хорошо, что это было еще не на трассе. Он съехал на обочину и припарковался.

– Маша, что случилось?

– Я заболела. Seriously. Это онкология... Правда, говорят, что вроде как лечится... Химиотерапией.

– Маша, я сейчас к тебе приеду! Ты дома?...

И не дослушав ответ, бросил трубку. Давид развернул машину и на нехорошей скорости помчался к Маше. Она быст-

ро открыла домофон, и он поднялся в квартиру. Маша выглядела откровенно плохо: потухший взгляд, круги под глазами. Они сразу прошли в комнату, которая снова тонула в полумраке.

– Маша, что с тобой?!

– Не знаю, Доди... Непонятка какая-то... Было кровотечение. Меня почистили...

– Что значит, почистили? Ты что, была беременна?

– Ну, это не беременность как бы... Я сама сразу не поняла... Это называется довольно гадко – пузырьный занос. Потом кровотечение. Откачали... А потом поставили диагноз.

– Почему ты ничего не говорила?

– Я пыталась тебя найти, но ты же вечно занят... Да и зачем? Это женская история...

– Так что сейчас?

– Сейчас я ложусь в больницу. Нельзя терять время. Там с каждым днем увеличиваются показатели. Смертельные гормоны... Так что меня туда берут прямо завтра. Удалось договориться. Подруги помогли... Ну, и врач попался нормальный... Говорят, что высокий процент выздоровления. Но возможно всякое... Я могу облысеть, Доди... Представляешь меня без волос? Да, меня еще раздует... – Маша печально улыбнулась. Давид испытал состояние эмоционального паралича. Он просто стоял и молчал. Это была какая-то параллельная реальность.

– Маша, скажи, что можно что-то сделать... Я поеду с то-

бой в больницу. Я хочу поговорить с врачом!

– Зачем? Во вторник мама приезжает из Питера. Она позаботится обо мне. Но я ложусь завтра. Не хочу Доди одного оставлять. Заберешь на пару дней? Я потом маму проинструктирую...

– Маш, давай посидим! Я ничего не понимаю... И я люблю тебя... Я завтра поеду с тобой. Давай я останусь у тебя? Можно?

Давид притянул Машу к себе и обхватил ее за плечи. Сейчас он почувствовал, что от Маши пахнет алкоголем. Он оглянулся и на низком столике у кресла увидел открытую бутылку коньяка и одинокий стакан. В самом кресле тихо сидел белый кролик. На диване валялись разбросанные вещи.

– Нет, Доди! Я хочу побыть одна... Если так хочешь, приезжай завтра или послезавтра ко мне в больницу. Хотя наверняка это печальное место... Кстати, мне на днях приснился отвратительный сон... Очень нехороший... Сначала я была как бы на какой-то вечеринке, много людей вокруг. Огни. Как всегда... Потом вдруг наступила темнота, и я оказалась уже на улице, на каком-то открытом пространстве. На поле, что ли... И вдруг резко появился сильный-сильный ветер. Точнее ураган. Он подхватил меня и начал мотать по воздуху. Мне было нечем дышать! Я пыталась ухватиться за ветки каких-то деревьев, похожих на огромные ивы. Но удержать их не могла... У меня в руках оставались только сухие листья. Все исчезли. Я была одна в этом мраке, муке и

мгле... Ветер снова носил и мотал меня по воздуху, по темноте.... Мне было страшно и плохо, я просто задыхалась... Стала просить Бога о смерти... Но ответа не было. Только тьма и ураган. И беспощадность... Внезапно меня швырнуло на землю. В жидкую грязь. И тут я увидела вдали какого-то темного зверя. Я не могу сказать, на что он был похож... На какое-то древнее существо... Толстый низкий динозавр, с шипами на спине, что ли.... Я поняла, что он ищет меня. Спряталась за какую-то маленькую кочку и вжалась в мокрую грязь. И зверь, все-таки, прошел мимо. Он меня не заметил. Я пыталась успокоиться, подумала, что все уже закончилось.... Но тут меня снова подхватило и понесло вверх. И снова я молила о смерти... Наконец ураган ослабел, я приблизилась к земле и увидела тонкий сухой стебелек. Я схватилась за него обеими руками... И подумала, что колосок уж точно не удержит меня... Но он держал.... Держал! И так, с ногами еще в воздухе, я проснулась... Я даже не поняла сначала, что это был сон... Я была еще там..., но увидела свои стены и только тогда проснулась окончательно... Может, мне пойти к астрологу? Наши девицы ходят к какой-то женщине. Очень советуют...

– Маша, ну при чем здесь астрология?...

– Знаешь, астрологи говорят, что наш физический мир – это такой механизм, система, программа. Ты же программист! Это код... А то, что мы видим как космические физические объекты, звезды и планеты, – это как бы такие де-

тали механизма, винтики и шестеренки... Мы просто их так видим! Это твои «О» и «1». Они поворачиваются, занимают определенное положение относительно друг друга, и кто-то рождается или кто-то умирает... Что-то происходит... Встречаешь человека или начинается война... Астрологи говорят, что небесная ситуация может, например, как-то плохо сложиться. Но тогда как раз и наступает момент истины. В зависимости от прожитого и сделанного ты можешь, например, умереть, а можешь просто попасть в тяжелую ситуацию... Матрица! Только мы не знаем ее правил...

– Если ты в это веришь, конечно, сходи! Но, по-моему, это все ерунда!

Маша подошла к столику, налила в стакан коньяка и залпом выпила.

– Да, наверное, это у всех такое... Когда надо уходить, всегда кажется, что это не вовремя...

– Что ты говоришь? Куда уходить? Посмотри на себя в зеркало! Ты такая молодая и красивая! И ты мне нужна!

– Уходи, Доди... Я хочу побыть одна... Да, давай я сейчас соберу маленького Доди...

Глава 16

Давид ехал домой и плохо видел дорогу. На заднем сиденье в корзинке сидел кролик со своим приданым. Поднялся сильный ветер, и по радио объявили штормовое предупреждение. Все ушло на второй или даже десятый план. Ничего не интересно. Только Маша. Как это? Разве такое возможно с ним или с Машей? Внутри Давида поднялась щемящая волна. Она шла из самой глубины его естества и захватила все тело. Давид почувствовал, как его руки и ноги стали ватными и перестали ему подчиняться. Он впервые понял значение слов «болит душа». Поднявшись в квартиру Давид обнаружил, что оставил кролика внизу. Он спустился в гараж. Подошел к своей машине и открыл ее. На заднем сиденье стояла корзинка с тряпочками и кормом. Но кролика в ней не было. «Что за ерунда?» Давид нашел в бардачке фонарик и обыскал всю машину. Ничего! «Как это может быть? Это же мистика! Кролик не может открыть машину! А я его видел! Какую игру ведет со мной невидимый гроссмейстер?» И тут зазвонил телефон... Это была Инга.

– Что? – сухо спросил Давид.

– Милый, сегодня пятница. Может быть, встретимся не в офисе?

– Нет. Я не могу. Никогда. Инга, ты замечательная девушка. Очень красивая и очень сексуальная. Но все закончено.

Все. Я завидую твоему будущему мужу. Но это не я! Давай не будем усложнять! В конце концов мы вместе работаем.... И не звони мне....

Он уже не услышал ответ. Положил трубку и выключил телефон.

Давид первый раз в жизни не спал всю ночь. За окном бушевал ураган. К утру пошел дождь, переходящий в мокрый снег. Разве можно назвать рассветом бурлящую мглу? Боль не ушла. Она трансформировалась в темную тоску, бороться с которой было бесполезно. Давид не смог почистить зубы. Он просто оделся и спустился к машине. По дороге в больницу Давид купил пачку сигарет и закурил впервые за много лет. Он приехал раньше Маши и несколько часов ждал ее в машине. Одни и те же мысли как навязчивая мелодия стучали в голове Давида. Сначала он старался их подавить, включил радио и пытался слушать какую-то музыку. Но все было бесполезно, становилось только больше... Тогда Давид перестал им сопротивляться. Он погружался в пучину страдания и безысходности. «Что будет? Что будет? А если Маши не станет? Да, нет же! Все будет нормально. Как раньше... Просто надо потерпеть. Переждать это время...» Из дверей больницы выходили и заходили многочисленные посетители и пациенты. Ни на одном лице Давид не увидел улыбки. Атмосфера грусти и горя была здесь просто разлита в воздухе. «Место без надежды...»

Приехала Маша и вышла из машины с большим рюкза-

ком. Отдельно в пакете она несла подушку.

– Привет!

– Привет, Доди!

– Я пойду с тобой. Я хочу знать, что происходит...

Они вместе зашли в унылое, советских времен, здание онкоцентра. В лицо ударил специфический больничный запах. Так пахнут не только лекарства, так пахнут болезнь и разложение плоти. На втором этаже Маша и Давид долго ждали врача перед закрытой дверью. В коридоре не было стульев или скамеек, поэтому им пришлось стоять. Рядом так же стояли другие страждущие. Некоторые тихо разговаривали со своими родными. Наконец появилась доктор, высокая дама средних лет. Давид и Маша попали к ней в кабинет четвертыми. После «здравствуйте!» и конверта с деньгами Маша помялась и спросила:

– Доктор, я могу ложиться?

– Да. У нас не было мест. Но я убедила коллег. Нашли... У вас очень высокие показатели. Они же растут в геометрической прогрессии... Так что первый блок начинаем просто сегодня! Как у вас со зрением?

– Ну, нормальное...

– Может ухудшиться. Да, и надо постричься... Как можно короче.

Тут вмешался Давид.

– Извините, а что, все-таки, с Машей?

Доктор с холодным взглядом назвала непонятное слово –

диагноз.

– Насколько это опасно?

– А вы, простите, муж?

– Да. Так что будет?

– Ну, знаете... Медицина – наука неточная. Это бывает у женщин детородного возраста... Главное, чтобы метастазы не пошли. При этом диагнозе они очень быстро распространяются. Почки, легкие, голова... Тогда уже хирургия. Сейчас пока начнем с химии... Точных данных, почему это появляется, у современной науки нет. Только теории... Разные факторы... Экология... А вы служили в армии?

Давид искренне удивился.

– Да, а что?

– В каких войсках?

– В ракетных...

– Ну, как по учебнику....

– Вы хотите сказать, что это как-то связано?

– Ну, есть такая теория... Сейчас это неважно! Мы спешим. Начинаем блок сегодня!

Давид и Маша с доктором впереди прошли по длинным унылым коридорам к палате. Там уже лежали две женщины. На покрашенных в веселый желтоватый цвет стенах над кроватями висели приклеенные бумажные иконки. Давиду стало совсем плохо... Лицо Маши окаменело и ничего не выражало. Давид еле-еле сказал:

– Доктор, извините, а есть одноместная палата? Я могу

заплатить, сколько нужно...

– Одноместная палата у нас одна и она занята навсегда! Да и не надо ей быть в одиночестве. Знаете, в таких случаях общение тоже имеет значение...

Доктор быстро ушла. Маша положила вещи на свободную кровать и вышла с Давидом в коридор.

– Ну, все, дорогой. Мне надо переодеться...

– Маша, тебе, наверное, надо что-то привезти поесть? Хочешь, я привезу суши? Рыбу? Или фрукты?

– Доди, я все взяла с собой. К тому же здесь, наверное, кормят. Как кролик, кстати?

– Нормально. Осваивается. Я сейчас еду домой к нему. Маша, я буду приезжать каждый день! Ты не против?

– Нет, дорогой! Вот и будем видеться чаще... Мама придет. Она будет со мной.

Давид поехал домой. В квартире он понял, что не может там находиться. Он позвонил Виктору.

– Витя, привет! Что делаешь?

– Да работаю, старик... Есть хочу. Наверное, надо пойти в Мак.

– Нет. Давай я сейчас приеду к тебе и все привезу. Пиццу там и прочее...

Давид пришел к Виктору с огромным пакетом всякой еды и двумя бутылками виски. Друг искренне удивился, увидев две бутылки крепкого алкоголя.

– Старик, что-то случилось? Ты же, можно сказать, не

пьешь.

– Теперь и пью, и курю...

– Так что с тобой?

– Маша заболела... Давай без подробностей... Просто мне плохо, я ничего не могу сделать. Она уже в больнице... Давай поговорим о чем-то другом! Да хоть о Павле. Его-то уже нет, – улыбнулся криво Давид. – Стаканы есть?

Виктор освободил место на заваленном столе и разложил еду. Открыл бутылку, достал стаканы и пепельницу.

– Кури!

– Да, спасибо! Я могу сегодня у тебя переночевать? Я не хочу ехать домой. Кстати, и не смогу... Знаешь, у меня из машины украли кролика!

– Какого еще кролика? – спросил Виктор.

Давид рассказал ему о Доди и его загадочном исчезновении. Он старался как можно меньше говорить о Маше и упомянул ее только потому, что это она отдала ему зверька, лжась в больницу...

– Витя, дашь мне какой-нибудь ноут? Чего тянуть? Сейчас списочек проходимцев из 18 века составлю... И сдам всю эту тварь Павлу. Кстати, надо бы узнать, кто этот Старожинский, с рыбьими глазами, в реальности...

– Неее... Сегодня мы лазить по времени не будем. Зачем нам нужно твое пьяное сознание в экстремальной обстановке?

– Ладно, давай просто буду собирать инфу. Еще же всех

заучить надо...

Глава 17

Утром Давид проснулся в квартире Виктора, в одежде и с предсказуемой головной болью. Она вытеснила душевную боль, и Давид, можно сказать, чувствовал себя лучше. Виктор приготовил холостяцкую яичницу, еще оставались объедки пиццы. С похмелья очень хотелось есть. Давид вызвал такси и поехал к Маше. В супермаркете он купил все, что мог придумать для нее... Давид осторожно постучал в двери палаты, услышал женские голоса «можно!» и открыл дверь. Одна из женщин, средних лет, говорила по телефону. Вторая, совсем немолодая, просто лежала и смотрела в потолок. Маша сидела на кровати. Ее правая рука была подключена к капельнице, в левой она держала книжку. Давид увидел на полу возле кровати большой пластиковый бутыль, в которых продается вода, заполненный какой-то желтой жидкостью.

– Привет, дорогая! Ты как? Я привез тебе красную рыбу... И хлеб... Яблоки, шоколад. Тебе можно его есть?

– Привет, Доди! Да, мне все можно есть! Даже можно пить коньяк. Ну, не рекомендуют, конечно... Но мне очень больно, когда ставят капельницу... Вены у меня какие-то не такие... Кстати, привези мне коньяк в следующий раз. А то я не могу никуда выйти!

– А это что? – спросил Давид, показывая взглядом на бак с желтой жидкостью.

– Это, Доди, моя моча. Я не знаю, зачем это надо, но меня заставляют собирать сюда всю мочу... Боже, как это унижительно... Как у меня болят руки от капельниц... Я больше не могу!

– Родная, все это закончится! Сейчас нужно думать только о здоровье... Все это пройдет, вот увидишь! И мы поедем с тобой в ресторан! Нет, лучше давай поедем в Будапешт! Помнишь, Софитель? Тебе очень нравилась кровать там... Она, вроде, какая-то особенная... И ты любила местный бар! Потом заедем в Вену или Париж? Так?

Маша грустно улыбнулась.

– Ну, да, при любых раскладах я могу успеть сгонять в Будапешт!

– Перестань! А что ты читаешь?

– А-а-а! Это Олесь Бузина. Украинский писатель такой был... Хорошо пишет. «Утешение историей» Вот я и утешаюсь...

– Ты тоже полюбила историю?

– Не знаю. Его убили там... Стало интересно. И действительно увлекает... Иногда забываю о реальности!

Давид от Маши поехал к Виктору за машиной, а потом домой. Надо было привести себя в порядок перед рабочей неделей. Он включил громкую музыку и ноут. «Никакого алкоголя!» – сказал он сам себе.

Понедельник прошел как обычно – совещание, работа, подчиненные с вопросами... К счастью, контора работала,

как отлаженный часовой механизм. По крайней мере, пока. Так что состояние Давида никто не заметил. Инга старалась не показываться Давиду на глаза, за что он мысленно был ей благодарен. Вечером Давид купил коньяк и конфеты и снова отправился к Маше. Она по-прежнему лежала или сидела с капельницей в руке, менялись только места подсоединения системы. На Машиных тонких ручках появились многочисленные синяки. И они болели от капельниц. Маша была просто раздавлена. Одна из соседок по палате после операции была отправлена в реанимацию, и ее кровать пока пустовала.

– Доди, дай коньяк! У меня руки болят. Я выпью немного... Лучшее болеутоляющее... Кстати, завтра будет мама. Так что можешь не приезжать...

– А если я хочу приехать?

– Ну, давай в среду! Да, мама мне точно коньяк не даст! – Маша улыбнулась.

Так продолжалось от вечера к вечеру. Больница, Маша... Ее мама, с которой Давид был уже знаком, держалась мужественно. По крайней мере, не показывала своего горя. С Давидом она говорила только о пустяках, о том, что можно привезти Маше... Возник вопрос кролика, и Давид, набрав в рот воздуха, небрежно сказал:

– Можно, он побудет немного у меня? Я к нему уже привязался... Позже я его вам привезу...

В конце недели с Машей начали происходить изменения. В субботу Давид понял, что она облысела. Совсем, до че-

репа... Маша встретила его заплаканная. При этом попыталась криво улыбаться: С левой стороны еще торчали длинные, выющиеся, темно-рыжие волосы. А справа волос уже не было. Давида поразили вид ее белого черепа. К счастью, мама уехала за покупками. Третья соседка была уже новая. Возле ее кровати сидел молодой мужчина, видимо, муж. На руке Маши по-прежнему торчал шланг капельницы, а на полу стоял бак с мочой.

– Все, Доди! Я лысая! Ты не сможешь меня любить! Я просто сегодня попыталась расчесать волосы. ... И они остались на расческе! Все, Доди!

– Ну это же ерунда! Они вырастут. И еще красивее... Если хочешь, можем прямо в понедельник поехать в ЗАГС. Потому что я люблю тебя! И мне все равно, какая у тебя прическа! – Давид попытался улыбнуться... Маша не только облысела. Ее как-то раздуло. Все ее хрупкое тело как будто наполнила какая-то нехорошая жидкость... От этого она казалась старше своих лет. В этой несчастной, одутловатой, наполовину лысой женщине в серой пижаме, с покрытыми синяками руками, уже невозможно было узнать ту молодую светскую девушку, с которой Давид спал, ходил в рестораны и ездил отдыхать.

– Лучше скажи, что говорит врач?

– Доди, это только первый блок... В понедельник я сдам анализы крови, рентген и прочее... И даже смогу поехать домой на пару дней. По результатам врачи будут решать, что

делать. Химия снова или еще что-то... Но волос у меня уже нет! – Маша громко разрыдалась. Как будто вся внутренняя боль только сейчас вырвалась наружу...

Глава 18

После больницы Давид снова поехал к Виктору домой. О Маше они не говорили...

– Витя, я, вроде, подготовился! Давай зайду туда, пошевелю это осиное гнездо!

Виктор сел за комп и взял бутылку колы. Сделал глоток.

– Старик, а ты не делаешь глупость? Может, ну их! Я сейчас работаю над физическими частицами. Может, подождем? Потом зайдешь туда с книжкой какой-нибудь? Да и зачем тебе именно Павел?

– Уже так вышло... А какая разница? Важно понять, там действительно еще кто-то лазит? Тогда надо переосмыслить всю реальность! Надо что-то делать... Ну, я уже у Павла... Там тоже можно разобраться. На его примере. Кто-то же ко мне постоянно пристает!

– Так в чье тело, так сказать? И когда?

– По логике надо в тот же день, 24 февраля, на бал... Ну, в Палена. Возьму этого Зубова за грудки и вытащу с него все имена. И попробую понять, кто этот Старожинский, который пристает ко мне. Только тело Палена, конечно, не ахти. Может, снова в Зубова? Но настоящий Пален может легко отказаться со мной разговаривать. Это же Зубов сейчас заинтересован! Он-то пойдет на контакт с Паленом...

– Ты готов? Давай рассчитаем время...

– В прошлый раз я туда заходил с 19 00 на два часа. Закончил на разговоре со странным типом, так сказать, масоном, Старожинским . А до этого был Зубов, который как раз мне и нужен. Значит, давай 24 февраля, 20 20, еще на три часа!

Давид шел по коридору за Павлом Петровичем. Лакеи распахнули огромные двери, и они попали в бальную залу.

– Ваше императорское величество, я хочу к вам обратиться! – Давид решил утвердить у Павла мысль о списке. – Я буду очень спешить со списком. Но необходимо принять очень жесткие меры! И незамедлительно! Надо вернуть срочно Аракчеева ко двору!

Павел остановился и посмотрел на Давида.

– Зачем?

– Он безусловно предан вашему величеству и прекрасный мне.... Государственный деятель! Прошу вас подумать об этом! И надо срочно усилить охрану вашего величества, особенно в замке, кабинет, опочивальня и прочее... Если ваше величество позволит, мы сможем еще поговорить об этом... На отряд Саблукова полагаться нельзя!

– Сударь, вы как-то сегодня решительно настроены.... Мы утром с вами вернемся к этому... А сейчас делаем вид, что мы веселимся... Тем более, что это последний бал перед Великим Постом! Вот, с императрицей надо побеседовать. Мы теперь редко с ней говорим.

Император подошел к своей свите, и императрица взяла его снова под руку. Давид начал искать глазами Зубова. Уви-

дел его там, где и рассчитывал, и снова к нему подошел. Давид поклонился дамам и положил руку Зубову на плечо. Женщина средних лет при виде Палена-Давида расплылась в счастливой улыбке.

– Ах, милый граф! Давно уж вас не видела! Петр Алексеевич, ваша супруга тоже здесь?

– Точно не уверен. У нее свои обязанности. Прошу прощения, дамы! Хочу отнять у вас ненадолго графа!

Зубов через плечо посмотрел на Палена-Давида, и улыбка сошла с его лица.

– Милостивый государь, я в вашем распоряжении! Графиня, я к вам незамедлительно вернусь после беседы с многоуважаемым графом....

Давид направился уже не к окну, а в двери другой залы.

– Милостивый государь, я хотел бы незамедлительно решить наши финансовые вопросы! Провести, так сказать, полный расчет! Я полагаю, что задолжал вам и нашим друзьям немало... Вы, безусловно, любитель веселиться... Но у меня есть к вам предложение... А не поехать ли нам сейчас к вам и не обсудить ли наши дела? – Давид не хотел ехать в особняк Палена, так как не имел о нем ни малейшего представления.

– Ко мне? Так ко мне, граф! В моем экипаже или вы отдельно поедете?

– В вашем, с превеликим удовольствием!

Выйдя на улицу, Давид крикнул подошедшему лакею,

чтобы тот распорядился отправить экипаж графа Палена к особняку графа Зубова. Двое мужчин сели в уже знакомую Давиду карету. Скоро он увидел зубовский дом.

Они вместе зашли в уже известную Давиду комнату, где Кузьмич лечил рану Зубова и отпаивал его водкой. Сам Кузьмич тоже был здесь. Он зажег много подсвечников и, согнувшись в глубоком поклоне, спросил Зубова, что надо подать. Хозяин распорядился принести вино и всяческую закуску. Неизвестно откуда выскочила маленькая, уже знакомая Давиду, мартышка и смело запрыгнула Зубову на колени. Хозяин погладил ее по ушкам. Обезьянка постаралась устроиться на коленях хозяина поудобнее и завертела маленькой головой. Потоптавшись, Кузьмич робко шепотом произнес:

– Ваша светлость, барышне доложить о вас?

– Пусть сидит у себя! – холодно ответил Зубов. Мужчины расположились в глубоких креслах возле камина.

– Ну, что, граф, жду-с ваши предложения! – сказал Зубов, отхлебнув из хрустального бокала.

Давид мысленно повторял список заговорщиков, который ему удалось собрать в интернете...

– Милый граф, а не найдется ли у вас бумага и перо? Надо бы закрепить на бумаге все подробности, соратников, на которых мы полагаемся, и финансовые обязательства....

– Вы желаете список заговора составить? – ухмыльнулся Зубов.

– Ну, у вас же нет сомнений в моей лояльности? Уж кто-кто, а я-то вне любых подозрений! – весело парировал Давид-Пален. – Да, нет, я хочу денег вам дать. То есть, не только вам, а всем нашим соратникам, с которыми вы общаетесь. Вот и давайте это обсудим... Например, граф Панин по моим сведениям, уж в полном расчете?

– Да, что вы! – злобно прошипел Зубов. – Он ждет от нас теперече не менее 100 000!

В комнату робко постучали, и вошел согнутый Кузьмич.

– Ваша светлость, графиня Жеребцова к вам пожаловалась! – Он не успел договорить, как в комнату вихрем ворвалась молодая роскошная дама в невероятном ярком наряде.

– Милый граф, как я счастлива вас видеть здесь, у брата! – зашебетала она. Потом подошла к накрытому маленькому столику, бесцеремонно взяла бокал Зубова и выпила все его содержимое.

– Ах, я так за нашим милым посланцем сэром Уитменом скажу! Он давеча мне коротенькую записочку прислал.

– Я надеюсь, сестрица, он прибавил к ней немного золота? – весело спросил Зубов

Жеребцова плюхнулась в уютное кресло, подняла бесцеремонно юбки и протянула красивые ноги в зеленых чулках к огню.

– Граф, вас не смущают мои ноги?

– Что вы, графиня, это истинное удовольствие для меня, старика...

– Ну, вы, господа, меня можете не стесняться! Я – ваша Муза... Нет, богиня! Минерва...

– Сестрица, мы с милейшим графом как раз говорим о делах наших бранных... О деньгах, собственно. Вот у нас сейчас два финансиста: его превосходительство да ты. Так что тебе эта лисица Уитмен передал?

– Ну, что-то есть... 200 000.

– И всего-то?

– Ты же не можешь во мне сомневаться? Я же кровь твоя! Кровь – не водица!

– Ты привезла деньги с собой?

– Братец, конечно, нет! Несмотря на нашу дружбу сэра Уитмен регулярно требует от меня отчет по делу. Сроки, планы и траты... Так что посвяти меня, женщину, в ваши последние решения...

– Сударыня, – вмешался Давид, – Мы как раз по этому поводу с графом и собрались. Списочек обсуждаем... наших друзей. Позвольте, все ж таки, листочек и перо. Я набросаю...

Зубов подошел к столу у окна и принес оттуда несколько листов бумаги и чернильницу с перьями.

Давид с напряжением взял незнакомые штуки и чиркнул пером по листу бумаги. «Н-да... Как писать-то? А потом все это запомнить? Нет, лучше здесь же и спрятать...»

Жеребцова налила себе еще вина в бокал брата и залпом выпила. «А женский алкоголизм не лечится...» Улыбнулся

про себя Давид.

Компания довольно долго обсуждала разных персонажей, их статус, возможности и гонорары за предательство. Давиду было очень тяжело справляться с письменными приборами, но какие-то каракули все же получались. Зубов давно позвал Кузьмича, который занес уже и водку. Графиня Жеребцова откровенно напилась и начала кокетливо поглядывать на Палена-Давида. «Ой, что ж ей надо от меня, старика? И так все болит...» Ему тоже пришлось для вида пару раз пригубить бокал.

– Сударь, что-то душно здесь, – произнес наконец Зубов. – Не прогуляться ли нам? Сад, конечно, зимой не очень привлекателен. Но, как я помню, вы всегда любили мой лабиринт...

– Нет, господа! Я с вами на холод не пойду. Я уж здесь, у камина! – изменившимся от алкоголя голосом возразила графиня.

– Ты хоть не напейся окончательно, сестрица! А то девок моих замучаешь!

– Подумаешь, девки! Ты их сам уже замучил! Я хоть не насильничаю... А эта твоя, Наташка?... Еще держишь здесь?

Зубов молча встал и нетвердой походкой направился к выходу. Давид последовал за ним, по пути аккуратно засунув списочек между книг в одном из шкафов. Вышли они не через парадный, а через задний выход, которого Давид раньше даже не замечал в этом особняке. Вечер был тихим. В про-

мозглом и болотном Петербурге на удивление не было ветра. В небе, среди бегущих облаков, радостно сияла полная луна. Сбежав по лестнице Зубов растворился в темноте.

– Милостивый государь, мне старику, за вами не угнаться! Повремените...

Ему никто не ответил. Сделав несколько шагов Давид оказался перед обнаженными зарослями аккуратно подстриженного кустарника. Снова пришлось принимать абсурдное решение в пространстве: налево или направо? Давид пошел направо. Через пару шагов он углубился в настоящий уснувший лабиринт. Несмотря на отсутствие листвы он выглядел как монолитные панели. Темнота скрывала небольшие просветы между веток. «Этот дурак, что, играть со мной вздумал?» – пронеслось в голове Давида. Он несколько раз окликнул Зубова. Где-то вдалеке прозвучал негромкий голос:

– Идите сюда, граф! Вы же любите этот лабиринт. Погуляем... Я жду вас!

Давид сориентировался на голос Зубова и углубился внутрь черных ветвей. Сияние полной луны позволяло видеть дорожку среди кустарника. Она все время поворачивала в разные стороны, иногда разделяясь на несколько в разных направлениях. «Вот дурак! Куда же он ускакал?» Через несколько поворотов Давид растерялся, куда идти? Он снова окликнул Зубова. В ответ раздалось:

– Смелее, граф! Я – не Минотавр. Эх, как хорошо на воз-

духе!

Вдруг на расстоянии метров пяти на освещенной лунной дорожке перед Давидом появился какой-то крошечный зверек. Он присмотрелся и понял, что это белый кролик. «Это еще что? Я не верю в мистику!» Кролик сидел на земле и спокойно поблескивал глазами-бусинками. Давид решил подойти к зверьку и поднять его. Но кролик, поняв намерение человека, ловко подпрыгнул и за несколько секунд скрылся в зарослях. «О Боже!» В голове Давида-Палена начался беспорядочный хаос. Тесня друг друга проносились бессвязные мысли. Или даже не мысли, а сонмище картинок, чувств, воспоминаний, ни за одно из которых было невозможно ухватиться и остановить этот чудовищный поток. Неожиданно и бесшумно из-за поворота лабиринта перед Давидом выросла высокая мужская фигура. Человек стоял спиной к луне, и поэтому Давид не мог его разглядеть. Наконец он понял, что это Зубов.

– Граф, я вам тут презент приготовил. Не желаете ли взглянуть?

Зубов повернул за поворот кустарника, остановился и протянул руку указующим жестом к чему-то, лежащему на земле. Неверное зрение Палена подводило Давида, приходилось наводить резкость. И тут он увидел грудку каких-то тряпок, отсвечивающих в свете луны шелковыми складками. Но это были не тряпки, а женское платье. И оно было на теле. Давид подошел ближе и узнал длинные распущенные волосы

Наташи, а потом и ее лицо, которое почему-то было с одной стороны залито чем-то черным. Правый неподвижный глаз был устремлен в небо и в нем отражалась луна, а из левого торчал тонкий нож. «Это кровь!» – Ошарашенно подумал Давид. Он с трудом опустился на колени и потрогал ее за руку. Она была еще совсем теплая, но уже мертвая.

– Что это? – спросил Давид, который еле-еле смог встать.

– Я же, сударь, сказал – презент! Могу я одну из своих девок подарить другу?

Невозможно было сказать, сколько продолжалась пауза. Но Давид просто молчал. На него снова нахлынул вихрь из снов, воспоминаний, незаконченных мыслей, чьих-то слов, боли и щемящей тоски... Давид даже не мог понять, где он находится, в зловещем черном лабиринте или одновременно во всех временах и пространствах мироздания? Тишину разорвал спокойный, уже знакомый, голос:

– Здравствуйте, сударь! Хотел бы я знать, как на самом деле надо к вам обращаться?

Перед ним стоял тот самый загадочный Старожинский. Зубова почему-то уже не было. Давида уже ничего не удивляло и даже не волновало, он по-прежнему молчал.

– Знаете ли, сударь, если мучить тело, мозг в любом случае будет страдать... Даже если это не ваше тело... Или, как бы, не совсем ваше... Мы вот понять не можем, откуда вы взялись? И, главное, зачем вам это надо...?

Глава 19

Внутренняя буря в голове Давида волшебным образом превратилась в темный тоннель, а вдали он увидел свет. Это был свет настольной лампы в комнате Виктора. Поняв, что он уже находится в своей реальности, Давид все равно не мог проронить ни слова. Виктор затеребил его:

– Ну, что, старик? Как там?

– Хреново! Там ползают какие-то существа. И они знают, что я не оттуда...

– Ну, расскажи хоть что-то...

– Да нечего! Я подготовил список. Можно Павлу отдать...

Я поеду домой. Завтра поговорим! Я к тебе приеду после обеда!

Давид попытался отключить сознание. Он был раздавлен и разбит на кусочки. Попробовал сосредоточиться на биологических потребностях. Заехал в супермаркет и купил большую кучу продуктов: суши, ветчину, салаты, шоколад и прочую ерунду. Открыл комп и начал смотреть какие-то пустые ролики на ютубе. Вдруг вспомнил про флешку с кодом Виктора. Достал ее из портфеля, но понял, что сейчас не способен думать, и положил обратно вместе с ноутбуком. «Завтра надо попросить Виктора помочь разобраться...» Он даже легко заснул.

Наутро Давид решил поехать сначала к Маше, а потом к

Виктору. В Москве, как всегда неожиданно, началась зима. Мокрый снег валил на лобовое стекло. Город заранее наряжался к зимним праздникам. Уже царила предновогодняя суета. По дороге в больницу заехал в первую попавшуюся Шоколадницу, чтобы выпить кофе в каком-то общественном месте, несвязанном с его нынешней жизнью. Вокруг было много веселых праздных людей. Симпатичные девушки, серьезные мужчины, семьи с детьми. Жизнь шла своим чередом, и никому не было дела до больных в онкологии, до исторических драм и всего того, что сейчас поглотило Давида. Возможно этим людям на самом деле не было дела даже до тех, с кем они сейчас разговаривали. «Зачем мне все это? А может с Машей ничего бы не случилось, если бы я не начал копать в прошлом. Не стоит заглядывать в бездну, а то однажды она посмотрит на тебя. Кто это сказал? Какая разница! Это просто правда...»

В больнице на него снова нахлынула тоска. Он не мог не думать и о Наташе. «Но это ведь просто сон. Никто не доказал мне, что все эти декорации и есть реальность... А здесь и сейчас только Маша...»

На этаже за столом для дежурной медсестры сидела упитанная и ярко покрашенная девица. Она улыбнулась Давиду. Видимо, ценила лояльность Маши-пациентки, а может быть он ей просто понравился. В палате были все те же две соседки. Возле одной из них, как и всегда, сидел муж.

Когда Маша увидела на пороге Давида, она быстро натя-

нула на голову косыночку, медленно встала, придерживая левой рукой шланг капельницы, правой ее стойку и подошла к двери. Они вместе вышли в коридор.

– Как мне надоел этот мужик! Он здесь торчит практически круглосуточно! Конечно, это здорово, что он так любит свою жену. Но ты представляешь, как мне при нем мочиться или каждый раз просить его выйти? Есть же и другие люди!

В Машиных глазах застыло страдание. «За что ей это?» – подумал Давид в отчаянье.

– Знаешь, я, кажется, только теперь все поняла! В чем смысл жизни... Самое главное в мире – мои отношения с Богом. Все остальное не имеет никакого значения. Мои кофточки и юбочки, этот журнал, тусовки, деньги и карьеризм... Все эти ненужные мне люди! Где теперь все это? Это не то, чтобы я цеплялась за жизнь... Просто все это мне не нужно! И не нужно было никогда! Доди, все может закончиться тем, что я не смогу иметь детей. Если, конечно, выживу... Уходи от меня! И почему у меня с Богом одностороннее общение? Я все время говорю ему что-то... Но он не отвечает... Наверное, потому, что не любит меня. Может быть, меня просто невозможно любить...

Виктор сам набрал его, когда Давид уже вышел из больницы, и попросил друга привезти ему сигареты. Давид оставил машину в паркинге и поднялся наверх. Когда он подошел к двери Виктора, то заметил, что она не на замке и просто прикрыта. Давид вошел в квартиру и крикнул:

– Витя, ты чего творишь? Это ж тебе не Краков! В Москве надо двери закрывать!

Он не услышал ответа. Захлопнул входную дверь. Зашел в первую комнату. Там не было никого. Давид поглотило беспокойство, и он быстро прошел во вторую комнату, где Виктор обычно работал. И тут он в прямом смысле слова остолбенел. Виктор сидел в своем рабочем кресле за компом. Его голова была резко откинута на спинку. Посередине горла, от уха до уха зиял огромный горизонтальный разрез, темная кровь из которого залила всю майку и джинсы друга. Его глаза были устремлены в потолок.

Страх, охвативший Давида, парализовал все тело. «Витя!!!!» – пронеслось в голове. Что делать? Скорая? По глазам Виктора было очевидно, что помочь ему уже невозможно. Полиция? Смысл? Он – первый будет подозреваемым: зашел в открытую дверь, друг... Еще что-то придумают... И это ничего не решит. Просто надо все вернуть. Вернуть Виктора... «Включи мозги!» – командовал сам себе Давид. «Так, оставаться здесь нельзя... Но надо посмотреть комп. И сканер!!! Сам я его не соберу!» Он наклонился через тело Виктора к компу, пошевелил мышкой, зажегся монитор. Давид зашел в «Мой компьютер» и понял, что жесткого диска просто нет. Компьютер был девственно чист. «Это ОНИ...» И вдруг Давид услышал какие-то звуки в глубине квартиры, кажется, в кухне. К ужасу Давида через минуту на пороге комнаты появилась Маша, без платка, с голым черепом. По-

верх больничной пижамы была накинута непонятная черная куртка, явно не по ее размеру.

– Маша?!!! Ты здесь откуда?

– Из леса... А теперь скажи, что ты сделал с Виктором?

Правильный ответ: «Разве я сторож брату моему?»

В голове Давида пронесся вихрь даже не мыслей, а смутных образов... «Это – не Маша..»

– Машенька, это Ветхий Завет. При чем здесь ты?...

Маша подняла правую, пятнистую от синяков, руку, которая до этого была закрыта длинным рукавом куртки. В ней был пистолет...

– У тебя есть код, программист гребаный? Кому еще вы его отдали? Отвечай быстро! А то не успеешь насладиться моим красивым лицом!

– Машуня, или как там тебя? Какой код?

– Есть ...

И здесь Давид мгновенно среагировал на движение Машинной руки. Он резко присел за спинку кресла Виктора. Раздался выстрел. Давид понял, что пуля вошла в голову трупа. Он быстро выглянул из-за спинки и здесь раздалось еще два выстрела. Давид крикнул:

– Зачем ты убила Виктора?

– Ха-ха-ха! – демонически рассмеялась Маша.

– Да это ты, дружок, его замочил! Тут и запись есть на камере! Так что тю-тю! На Калыму, если выживешь, конечно...

Давид силой воли остановил бешеное сердцебиение. «Как?!?!» В голове снова пронесся вихрь бессвязных образов, чувств и событий... Картинки, картинки, обрывки слов. Нагромождение, свалка воспоминаний и снов... Страх, боль, отчаяние... Кто? Что? Нож?...

Надо было что-то решать с Машей и ее дурацким пистолетом. Давид собрал свое тело в комок и бросился вперед к Машиным ногам. Ему удалось обхватить ее за щиколотки и повалить на пол. Падая, Маша еще раз выстрелила, но попала в стену. Давид бросился на нее и вырвал пистолет, отшвырнул его в коридор. «Убивать ее точно нельзя! По крайней мере это Машино тело...» Лежа на ней сверху, он вывернул ей обе руки, Маша дико заорала. И тут Давид одной рукой зажал ей рот. Второй схватил валяющиеся на полу спортивные брюки Виктора и запихал их ей в рот. При этом ему приходилось бороться с ее ногами, которыми она бешено колотила его по спине. «Как ее вырубить безопасно?» Он подтянулся к еще одной тряпке, свисавшей со стула, и замотал ею обе Машины руки. И, наконец, встал. Перед ним на полу лежала его любимая женщина, лысая, с искаженным от ненависти лицом, и дико извивалась всем телом. Кляп не давал ей возможности орать, раздавалось только мычание.

«Включи мозги!» – скомандовал сам себе Давид. Он бросился к компу и здесь увидел во лбу Виктора пулевое отверстие. Крови не было – просто темная дырка. «Сканер!» Он отсоединил сканер от компа. «Надо ее замотать понадеж-

нее!» На кухне в ящике стола Давид нашел широкий скотч. Он старательно перемотал им Машины ноги, руки и поверх тряпки рот. «Так! Пару часов выдержит! А может за это время и сознание вернется...» Он пошарил рукой в кармане Машиной куртки и нашел там ключи от ее квартиры. Забрал их себе. Нашел на кухне целлофановый пакет, засунул в него сканер, быстро вышел на лестничную площадку, захлопнув дверь. Пытаться быть незаметным было бесполезно, но он обрадовался, что никого не встретил в подъезде и в лифте. В паркинге тоже не было ни души. Давид сел в машину, лихорадочно соображая, куда ехать?

Глава 20

Город погрузился в белую снежную субстанцию. По улицам под зонтиками бежали замерзшие прохожие. Движение на дорогах замерло. «Когда их найдут? Я успею поработать дома или уже нельзя?» Стоя в пробке Давид размышлял. «Что мы наделали? Все связано... Что наверху, то и внизу... В физическом мире каждая молекула моего тела связана с каждым атомом самой далекой звезды и даже черной дыры... А в другом мире каждая жившая душа связана с каждой жившей, живущей сейчас и даже еще не рожденной... Странно, в геометрическом смысле получается крест! И каждый несет свой... Надо все вернуть. И забыть об этом! Я – не астральный воин! И не готов жертвовать теми, кого люблю... Значит, они нас нашли. И это Маша. Она или оно сказало, что я убил Виктора. Но я этого не помню! Так они и в меня могут войти?!!»

Машины немного сдвинулись. И здесь раздался телефонный звонок без имени. Давид взял трубку. Услышал жесткий мужской голос:

- Уваров Давид Анатольевич?
- Да. Слушаю вас.
- Капитан Манюк, Игорь Владимирович. Московский уголовный розыск. Вы знакомы с Виктором Сергеевичем Виноградовым?

– Конечно. Это сотрудник моей компании.

– Когда вы видели его в последний раз?

– В последний рабочий день, в пятницу. А что, собственно, случилось? Что-то с Виктором?

– Мы располагаем сведеньями, что вы виделись с ним и позже... Сегодня в том числе... Я бы хотел переговорить с вами. Где вы сейчас находитесь?

– По дороге в Тулу, на трассе. Так что, все-таки, случилось?

– Я думаю, что вам лучше вернуться срочно в Москву! И это в ваших интересах! Вы далеко отъехали от Москвы?

– Да, километров двадцать... Я, все-таки, хочу понять, что произошло, и почему я должен к вам ехать?

– Все при встрече. И повторяю: это в ваших интересах! Наберите меня на этом номере, когда подъедете к Кольцевой. И договоримся о встрече...

«Так... Охота на меня уже началась. Вычислить по машине и по телефону – просто пустяк! Домой, кажется, уже нельзя! Хорошо, что ноут с флешкой со мной... К Маше?...»

Машин дом находился на другом конце Москвы. Давид выехал на Кутузовский проспект. Метров через сто надо было поворачивать, и Давид перестроился в правый ряд. Движение для этого времени суток было довольно бодрым. И здесь Давид заметил машину гаишников, двое полицейских стояли около нее. Один из них замахал палкой, глядя явно на его машину. «Что за фигня? Ладно!» Давид медленно

съехал на обочину, открыл свое стекло. Полицейский отдал честь, представился: «Капитан Иваненко» и попросил документы... Давид достал паспорт и права, протянул капитану. Тот долго и внимательно их рассматривал...

– Прошу вас выйти из машины и пройти за мной!

«Поехали!» – подумал Давид и нажал на педаль газа. Закрыл окно. «Так, к Маше нельзя... Инга! О ней никто не знает...» В стекло заднего вида он увидел, что полицейская машина рванула за ним. Давид перестал думать и действовал чисто автоматически. Резкий поворот направо, снова направо. Едва не сбил пешехода на переходе. Сзади неумолимо орала полицейская сирена. Тачка Давида была в отличном состоянии, поэтому ему удавалось держать дистанцию с машиной, преследовавшей его. «Надо решать! На дороге они скоро меня остановят...» Давид свернул в какой-то незнакомый квартал и начал крутиться по дворам. Вдали он слышал вой, который уже приближался... Увидел заснеженную детскую площадку во дворе-колодце. Затормозил возле нее. Выскочил из машины с сумкой и сканером, бросился в какую-то арку.... К счастью, двор был проходным. Давид попал на другую улицу. Постарался выглядеть спокойным и раствориться в толпе на остановке. Поднял руку, тормозя такси, и набрал Ингу.

– Привет! Инга, ты сейчас дома?

– Здравствуйте, Давид Анатольевич! Где же мне быть?

Никто меня никуда не приглашает!

– Инга, я могу сейчас к тебе приехать? Мне нужна твоя помощь!

– Конечно, приезжайте! Вы адрес знаете?

– Да. Сейчас буду...

Давид швырнул свой телефон в снег. «Контакты все равно есть в облаке...» Он сел в первую остановившуюся машину. За рулем был человек с азиатской внешностью. Давид назвал адрес Инги и немного успокоился. Скоро Давид уже зашел в ее квартиру. Инга явно приготовилась к встрече. На ней был элегантный вишневый пеньюар.

– Можно я у тебя побуду? Я потерял ключи от квартиры. Мне больше некуда пойти. Надо срочно кое-что сделать...

– Можно на «ты»?

Давид улыбнулся... И погладил ее по волосам.

– Конечно! А кофе можно?

Они вместе зашли на кухню. Инга быстро сварила кофе и приготовила горячие бутерброды. Давид достал ноут и расположился за кухонным столом. Он вставил флэшку и попал в лабиринт загадочного алгоритма. Сначала на Давида напала паника – он не мог ничего понять. Достал сигареты и спросил Ингу:

– Прости! Я очень хочу курить!

– Я не знала, что ты куришь!

– Вообще-то нет. Сегодня исключительный случай...

После двух подряд сигарет он попытался еще раз углубиться в длинную череду цифр. Прошло несколько часов. И

наконец в конце тоннеля появился свет... Он понял, как это работает! Давид достал сканер и подключил его к компьютеру. «Теперь надо все обдумать! День, время... Так, а что будет, если я там уничтожу всю эту ерунду? Я останусь там насовсем или застряну где-нибудь во времени? Какая разница! Это единственный шанс! Не объяснять же ментам все это? Особенно им понравится история про то, что кто-то в кого-то вселяется... А Виктор!!! Когда все это началось? Вечеринка.... Конец сентября... Лучше взять август...»

– Инга, солнышко! Какой день в августе тебе нравится? Может быть, ты помнишь какой-нибудь определенный день в августе этого года?

– Конечно, помню! 29 августа. Это день рождения моего папы.

– А как зовут твоего папу?

– Павел Олегович...

– Инга, ты – супер! Что было 29 августа этого года? Где ты была?

– Утром, естественно, на работе... В обед я отпросилась у тебя... И поехала к родителям...

«Отлично! Значит, 29 августа. Перед обедом...»

– Инга, свари, пожалуйста, мне еще кофе. Я должен подумать...

Давид подключил сканер к своей голове и ввел параметры. Он посмотрел вокруг и увидел серые стены своего кабинета. На столе стоял ноут с открытыми документами, рука

лежала на мышке... Он увидел на компе дату: 29.08.2018, 12.14. Давид вышел в коридор и прошел в отдел тестировщиков. На рабочем месте он увидел Ингу. Она подняла на него взгляд и улыбнулась.

– Инга, можно вас на минуту?

– Конечно, Давид Анатольевич!

– Пойдемте ко мне... У вас была ко мне какая-то просьба?

– Ну, да! Я вчера говорила вам, что хотела бы сегодня уйти раньше с работы. У моего папы день рождения... Родители меня ждут...

– Помню, помню! Окей! Только у меня тоже есть к вам просьба...

– Конечно, Давид Анатольевич!

– Мне надо, чтобы вы ненадолго отвлекли Виктора. Виктора Виноградова... Вы не могли бы прямо сейчас предложить ему выпить чашечку кофе внизу, в нашем кафе? Но это между нами. Вы же – девушка сообразительная!

– Н-да... Хорошо. Прямо сейчас?

– Да-да! Только придумайте какой-нибудь убедительный предлог. Например, вам надо пожаловаться на жизнь кому-нибудь срочно... Полчасика с Виктором, и вы свободны на сегодня...

Через пару минут, стоя в коридоре и делая вид, что он просматривает свой телефон, Давид увидел Ингу и Виктора, которые весело болтая шли к лифту. Давид со спокойным лицом зашел в комнату, где находилось рабочее место Вик-

тора, и сел в его кресло. Рядом на полу лежала его сумка. Давид знал, что все ключи друг хранил во внешнем кармане на молнии... Коллеги не обратили на директора никакого внимания. В конце концов, он мог делать в офисе все, что считает нужным. А тем более заходить к своему другу и смотреть в его монитор. Он аккуратно, беззвучно достал ключи, положил их в карман брюк и вышел. Через десять минут он уже мчался по раскаленной Москве к дому Виктора.

«Так, вынимать диск грубо и пошло... Надо все уничтожить, не трогая винт...» Давид потратил довольно много времени, чтобы вычистить, все что он мог обнаружить на компе Виктора. Но компов было несколько... К счастью, код был только на одном. Давид тщательно все перепроверил... «Время уже прошло или нет? Что теперь будет?» Он вышел из квартиры на улицу, к счастью, никого не встретил в подъезде, сел в машину и поехал в офис.

По дороге он набрал Машу.

– Манечка! Есть какие-нибудь вечеринки в ближайшее время? Я очень хочу пойти с тобой куда-нибудь!

– Доди, что случилось? Не помню, чтобы ты любил светскую жизнь!

– Все меняется. Иногда к лучшему!...

– Дорогой, еще не сезон. Светская жизнь традиционно начинается в конце сентября... Будет большое мероприятие... Я точно должна там быть!

– Вот и отлично! Значит, будем там вместе! И вообще я

за тобой соскучился....

Давид остановился на светофоре. И почему-то посмотрел в боковое окно. Слева от Давида стоял белый старый мустанг, за рулем сидел блондин в клетчатой рубашке, с длинным хвостом и улыбался ему. И тут зажегся зеленый свет. Блондин подмигнул Давиду и стартанул раньше его... Давид на секунду отключился, потом посмотрел на зеленый свет, собрался и газанул. «Что это? Я где-то его уже видел... Так, кажется, я пока в этой реальности... Спокойно!» Он набрал Виктора.

– Витя, привет! Что делаешь?

– Старик, привет! Работаю, конечно! Можешь быть спокоен за свою контору! Все норм! А ты-то где?

– Ты мне что-то говорил про свое хобби? Как продвигается?

– Я говорил? Не может быть! Пива, наверное, много выпил. Да так... Пока непонятно... Много нерешенных вопросов...

– Так это тебе не надо... Потом поговорим...

Он открыл глаза. Сновидений, как и всегда, не помнил. В комнате царил унылый серый полумрак. Наверное, еще не рассвело. Взгляд уперся в темный балдахин над кроватью. Справа стояла длинная высокая ширма, которая отделяла кровать от остального пространства, видимо, не очень большой комнаты. В просвете виднелся необычно высокий пото-

лок с лепниной. «Это отель? А где Маша?» – подумал он с тревогой. И здесь из-за ширмы раздался негромкий голос:

– Ваше императорское величество! Все готово для омовения вашего величества и утренней молитвы.

– Дружище, а какой сегодня день?

– 11 марта, 1801 года от Рождества Христова, ваше императорское величество!

Давид сел на кровати, посмотрел на свой живот и ноги, и разглядел в темноте незнакомое, чужое тело в белой батистовой ночной рубашке. Он протянул руку к голове и нащупал лысину... Положил руку на грудь и почувствовал нательный крест... Каждому по силе...